

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

ДОРОГА К СЧАСТЬЮ
(сборник рассказов)

2014

Оглавление

Странный человек.....	5
Современные отношения	8
Мудак	10
Происшествие.....	14
Куб сомнений	19
Загадка Максима Анисимова.....	21
Правда	25
Мой брат	26
Ощущение счастья.....	27
Истина	29
Эта страшная сила любовь.....	31
Еще, еще, еще... ..	33
Рецепт счастья	34
Пока, как пока	36
Студенческие дела	39
Сельские будни	41
Дорога к счастью.....	44
Жизнь в радость	47
Тихие радости.....	49
Всемирная паутина	52

С. А. Зелинский

Дорога к счастью. Сборник рассказов.

© Зелинский С. А., 2014

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

С.А.

Зелинский

Дорога к счастью

СБ. РАССКАЗЫ

2014

Дорога к счастью. Сборник рассказов.

рассказ

Странный человек

Ему, конечно же, хотелось свободы.

В чем должна была заключаться свобода – он пока не знал. Рассчитывая что это только «пока», Виктор уверенно заставлял себя жить обычной жизнью. То, что эта жизнь периодически казалась ему странной и даже иногда не очень нужной, он старательно отметал. Правда, ему было немного не по себе, что возникали такие мысли. Но в свои мысли Виктор старался не очень-то вмешиваться, полагая, что любые мысли являются следствием каких-то им совершенных действий. Поэтому можно сказать, что как-то особенно не опечаливался, продолжая жить как жил.

Как он жил? Все сказали бы, что жил он странно и нелепо. Сам Виктор, впрочем, так не считал. Он лишь иногда замечал, что жизнь окружающих немного отличается от жизни его. Но, ссылаясь при этом на какие-то свои (другие?) мысли – предпочитал не обращать внимания.

Виктору Павловичу было 35 лет. Возраст лишь ненамного изменял его внешность, но практически не изменял внутреннее содержание. То есть можно было сказать, что Виктор Павлович и десять лет назад периодически размышлял примерно о том же что и сейчас, и отчего-то был уверен, что будет точно также размышлять и через десять лет.

Можно было конечно признать, что он был странный человек. Но надо ли кому-то было так признавать? Сам Виктор себе даже в какой-то мере нравился. А что касалось мнения о нем

других?.. Впрочем, вполне возможно, что он не обращал на других внимания. Ну или старался не обращать. Продолжая жить своей жизнью.

В своей жизни Виктор предпочитал никого не любить, полагая, что люди не совершенны, а любые виды любви (плотские или духовные) в итоге могут принести только неприятности. Кто-то сказал ему, что так может считать только тот, кому действительно любовь доставила неприятности. Но на самом деле Виктор просто предпочитал не искушать судьбу. Он жил своей жизнью, и ему эта жизнь действительно нравилась. Он за нее был спокоен. Он верил, что это и в дальнейшем позволит уберечь его от излишних волнений. Так-то волнения периодически происходили с ним. Но до какой-то высокой степени тревожности они обычно не доходили. Заканчиваясь на полпути, а может даже всерьез и никогда не начинаясь. Да и Виктору было так спокойней. «К чему искушать судьбу?»—говорил он себе, допуская при этом, что если в его жизни когда-нибудь появится такое искушение, он не отойдет в сторону. В душе ему было интересно испытать что-то такое, о чем он в детстве читал в книгах. То, что такое желание идет из детства, он не сомневался. Но как и прежде предпочитал особенно вглубь не копать, продолжая жить своей обычной жизнью.

А что эта была за жизнь?

Свою жизнь Виктор Павлович делил на несколько основных составляющих. Прежде всего, его работа. Работа для Виктора Павловича всегда была чем-то по-особенному важным. Он работал в сфере энергетики. Был юристом. Вернее, помощником юриста. Периодически, правда, его пытались повысить хотя бы до должности юриста, но Виктору Павловичу всегда удавалось обходить такие потуги начальства. Для него проще было не занимать руководящие должности и не брать на себя какую-либо ответственность. Так ему было спокойнее. Потому что основным в его жизни были все-таки его мысли. Может кто-то и сказал бы, что мысли эти ни о чем, но сам Виктор так не считал. Для него его мысли были чем-то важным и свидетельствовали как минимум о том, что он жил. А жить Виктор хотел. Даже несмотря на периодически случавшуюся с ним депрессию, во время которой он тут же прекращал любые виды деятельности, ложился в постель, и спал.

Депрессии Виктор предпочитал лечить сном. Правда, еще лет десять назад, он их лечил водкой. Но быстро понял пагубность такого вида терапии. И стал спать.

Спал Виктор подолгу. Сон вообще в какой-то мере свидетельствует о крепком здоровье. И хороших нервах. Прежде всего, нервах.

И пусть поначалу это как-то не вязалось с депрессией, позже Виктор и тут нашел выход. Он попросту стал считать, что депрессии у него нет. А его сон – лишь форма релаксации, столь необходимой в жизни.

Когда Виктор стал так считать, ему сразу стало легче. А через время незримым образом исчезла и депрессия. А еще через время он вдруг понял, что никакой он и не юрист. А бизнесмен с юридическим уклоном. Виктор Павлович открыл юридическую фирму. Нанял на работу своего бывшего начальника. Тот привел команду юристов. Виктор Павлович платил всем вдвое больше, чем они получали на прежних работах. И при случае намекал, что если будут хорошо работать, повысит зарплату. Они и работали. Пока у Виктора Павловича не закончились деньги, вырученные с продажи квартиры (он продал квартиру чтобы открыть бизнес). Но как раз к этому времени фирма Виктора Павловича стала приносить доходы. Для покупки новой квартиры, правда, пока было недостаточно, но на то, чтобы арендовать номер в гостинице (Виктор предпочитал жить в гостинице, как когда-то всю жизнь прожил его любимый писатель Набоков), и чтобы действительно повысить зарплату служащим своей юридической конторы.

Со временем Виктор почувствовал, что у него исчезло желание быть бизнесменом. Даже промелькнула мысль попроситься помощником юриста сначала в ту фирму из которой когда-то ушел, потом в свою фирму (у бывшего начальника, работавшего теперь на него), но Виктор Павлович подумал, что это может иметь не очень приятные последствия. И уж совсем будет выглядеть свинством, если смотреть со стороны. Поэтому усилием воли он распрощался с идеей пойти к кому-то в подчинение и просто забросил дела фирмы, повысив в должности своего бывшего начальника и поставив того вместо себя. А сам... А сам решил взять кредит в банке и открыть новую фирму. Виктор Павлович Тетерников вдруг понял, что еще более лучшим средством от депрессии является работа. Увеличение активности и повышение творческой деятельности. Он составил бизнес-план, ему дали кредит (что было небольшой неожиданностью для него), он открыл небольшой ресторанчик, потом взял еще кредит, и открыл продуктовый магазин.

Дела у Тетерникова неожиданно пошли в гору. Депрессии исчезли, как исчез и сон. Виктор Павлович теперь работал почти 24 часа в сутки. Попутно он расширял свой бизнес, открыв еще десять фирм. Потом Тетерников подумал, что ему надо как-то рационально распоряжаться своим временем и – главное – здоровьем. Поэтому в каждую фирму он поставил управляющего. Все его торговые точки и пункты общественного питания приносили пусть небольшой («видимо воровали управляющие»,-- догадывался Тетерников), но стабильный доход. Виктор мог уже позволить купить несколько квартир (что не стал делать, рассудив, что живет все равно один, и ему комфортнее в гостинице), два раза в год стал ездить за границу, еще больше расширил бизнес, прикупив сначала завод, а потом несколько цехов по переработке мяса, в общем, стал жить совсем даже по другому, если сравнить это с тем, как он жил когда мы встретили его в начале нашего повествования. И тут можно было бы за него в полной мере порадоваться, но забегаю вперед признаемся, что закончил Виктор Павлович так же, как и начал. И даже никто толком не мог

сказать, как и почему так произошло. И что уж точно и сам Виктор Павлович Тетерников ничего не мог сказать. Просто вдруг разом у него все исчезло. Он только прилег на пару часов поспать днем (сморила усталость), а проснулся... «Уж лучше бы он не просыпался»,--подумал Тетерников. И понял...

Он вдруг как-то разом понял, что все это был обман. Обман был вызван сном. И может быть даже не то что обман, а просто желаемое Виктор Павлович каким-то нелепым образом выдал за действительное. И когда теперь он вновь оказался в реальности, то понял, что может быть даже ничего такого уж страшного и не произошло. Тетерников вспомнил, что за последние дни очень устал, у него начиналась депрессия, а так как депрессию он лечил сном, то в это время всегда брал неделю за свой счет – недели обычно всегда хватало. И он, было, поднялся с кровати, решив идти на работу и попросить досрочно прервать его отпуск, но вдруг его озарило: он реализует то, что видел во сне – в реальной жизни. Он попросит на работе продлить отпуск, а за это время управится и с продажей квартиры, и с открытием юридической фирмы, позже расширит свой бизнес, ну и все будет так, как уже было. Во сне. Тогда – во сне. Теперь – наяву.

И Виктор Павлович не просто поднялся с постели, а вскочил. И начал действовать. И у него действительно все получилось. Ну, или должно было получиться. Или – могло бы получиться. Потому как, что произошло на самом деле, мы уже не знаем. В то время Виктор Павлович внезапно выпал из нашего поля зрения. Потом мы еще могли с ним встретиться, но судьба каким-то образом все время разводила нас. Правда, периодически до нас доходили какие-то слухи. Но слухам мы предпочитали не верить. Судьба Виктора Павловича все-таки была небезразлична нам. И мы решили подождать, когда появятся точные подробности о том, что потом с ним произошло. Или быть может появиться он сам и все расскажет.

Пока ждем.

11.09.2009 г.

рассказ

Современные отношения

Ему казалось, что весь мир должен быть у его ног.

--Расхожее мнение, свойственное таким людям как ты,-- опустила его на землю Земфира.

Земфира жила уже пять лет в Москве, было ей 24 года, и она считала себя вполне современной девушкой с такими же современными взглядами. Правда, Влад находил ее взгляды слишком циничными, чтобы разделять их, но, по сути, это ничего не меняло в отношениях между

ними. Весьма надо сказать дружескими отношениями; и ни он, ни она не выходили за пределы этой дружбы.

Владу недавно исполнился 31 год. Считал он себя успешным бизнесменом, владел несколькими кафе, придорожной закусочной, и пару рюмочными. «Спаивал народ»,-- как считала Земфира, которая не очень одобряла род занятий Влада, но охотно тратила его деньги. К деньгам Земфира имела несколько странное отношение. С одной стороны, своей жизни без них она не представляла, с другой, презирала деньги, богатство, и все, что было с этим связано. При этом напрашивавшийся, было, парадокс (как считал Влад) Земфира разрешала очень просто, рассказав историю о своем отце, который у себя в Алма-Ате последовательно был секретарем райкома, кооператором, предпринимателем, депутатом, и снова стал секретарем райкома, уже в наши дни. И на всех своих постах презирал деньги, и якобы передал эту привычку Земфире.

Впрочем, Влад этой истории не верил. Он вообще не верил Земфире. Считал ее никчемной и малограмотной девицей. Но у этой девицы было стройное тело и красивое лицо. А Влад любил красоту. И считал, что должен пользоваться красотой, тем более что подобное пользование он довольно щедро оплачивал.

-- Ты мало мне даешь денег,-- сказала Земфира. Она всегда говорила напрямую о том, о чем думала. Тем самым Владу не надо было гадать об ее мыслях, хотя и те казались ему иной раз уж слишком нелепыми. «Странными и нелепыми»,-- добавил бы он, если бы узнал что мы сейчас говорим о том, о чем он иной раз серьезно задумывался.

Он действительно в последнее время серьезно думал об этом. Ему казалось, что он обязательно должен находить время, чтобы подумать о каком-то наболевшем вопросе. Так выходило, что все чаще таким «вопросом» была Земфира.

Кто она была для Влада? Она не была ни его женой (Влад был не женат), ни девушкой (у Влада не было постоянной девушки), ни любовницей (для этих целей Влад пользовался элитными путанами); она вообще непонятно кем была для Влада. Подругой? Так он ни с кем не дружил. Знакомой? Влад предпочитал не завязывать знакомств. Кем же тогда?

--Да никем,--ответил бы он, и в чем-то был бы прав. Или точнее, на какую-то часть был бы близок к истине. И что наверняка, правильный ответ не знал и сам. Потому и рассуждал, бывало, часами над подобной проблемой.

Эту проблему Земфира считала надуманной. Влад сам как-то поделился с девушкой своими мыслями, но заметив ее настороженный взгляд он тут же смолк, но Земфире попросила его досказать цепочку размышлений до конца. Ей хотелось узнать, что Влад о ней думает. Вернее, это Влад так решил, в чем после и раскаивался. Земфира же тогда задала какой-то ничего не значащий вопрос, который Влад расценил как проявление интереса, и охотно стал делиться с девушкой своими

мыслями. Причем начав, он не сразу смог остановиться. По настоящему остановившись, лишь когда понял, что Земфира спит крепким сном невинной девушки.

Впрочем, в невинности Земфиры Влад был не уверен. А Земфира его не пыталась разубедить. Ей было все равно. Так думал Влад. И по мнению Земфиры, был прав.

.....

В один из дней Влад и Земфира решили пожениться. Сейчас трудно было сказать, кто первый предложил, но факт остается фактом. Они решили пожениться. А вскоре и сыграли свадьбу.

Свадьба была скромная и только «для своих». Как-то так вышло, что «своих» никого не оказалось. Поэтому молодожены посидели в одном из кафе Влада (из скромности Влад не сказал персоналу о своей свадьбе), а после разъехались по домам. Чтобы на следующий день встретиться вновь и уже не расставаться.

Почему они не поехали после кафе вместе? В какой-то мере это была загадка. Или же – общее объяснение характера и Влада и Земфиры. Тем более Земфира вдруг оказалась Ириной. С папой прорабом на стройке и мамой уборщицей. Ирина родилась и выросла в Москве. А все ее выдуманные истории о собственной жизни стали рассыпаться после свадьбы, когда Влад схватился за голову, осознав что его облапошили. Но и осознав это Влад еще какое-то время сомневался, правильно ли он все понял. Но он понял правильно. Отец Влада (который когда-то помог сыну начать бизнес) сказал ему что он лох, после чего хотел было забрать бизнес обратно, да махнул рукой, и уехал за границу. А Влад... Да что там Влад. Через время оказалось что у Земфиры-Ирины был муж (даже два), что на самом деле ей не 24 а 37, и что вообще, Влад «чистой воды лох»,-- как сама призналась она ему, оформляя развод с разделом имущества, и переезжая в оставшуюся после этого раздела отдельную квартиру в центре Москвы (Владу осталась дача в Переделкино).

А Влад... Влад считал что все случившееся с ним вполне закономерность. И вообще, в какой-то мере наказание ему. Хотя и постаравшись забыть приключившуюся историю, продолжал жить. И если бы как-то не поделился с нами, можно было бы сказать что и не вспоминал об этом. И даже было неизвестно, учился ли он в чем-то на своих ошибках, но что точно – больше с девушками Влад не знакомился, а полностью погрузился в дела. Работал, в общем.

20 июня 2009 г.

рассказ

Мудак

В этой жизни ему давно не было покоя. Правда, так считали окружающие. Да и то не все, а лишь те, кто знал Филиппа близко. Хотя и не так уж много знали Филиппа близко. По натуре он

был замкнутым человеком. На днях ему исполнилось пятьдесят. Небольшого роста, с окладистой бородой (к концу повествования сбрил, оставив полоску усов), кряжистый и приземистый, внешне Филипп походил на зажиточного крестьянина. Хотя крестьянином не был. Жил в городе. Работал учителем физики. Был скромн и беден. Наверное, все же беден, а потому и скромн.

Но что в душе Филиппа бушевал настоящий пожар. В своих фантазиях (иногда он фантазировал) Филипп становился арабским шейхом. В такие моменты у него был гарем (в жизни Филипп с женщинами был закомплексован). Был огромный дом (в реальности – комната в коммуналке). Был он общительный (замкнутый), разговорчивый (молчун), и начинал жить фантазийной жизнью настоящего мудака. В реальной жизни Филипп тоже был мудаком. В молодости судьба много раз предоставляла ему шансы «стать человеком». Иногда у него появлялись такие возможности, при которых другой на его месте тут же перехватил бы у жизни бразды правления. И повел бы ее за собой. Но Филипп не вел судьбу за собой, а сам волочился следом. Хотя поначалу еще сопротивлялся. «Сопротивление» заключалось в переживаниях и размышлениях над случившимся. Дальше Филипп не шел. Ему хватало этого? Нет, не хватало. Иначе после первого-второго раза он бы прекратил попытки.

Филипп выдержал такой жизни десять лет. К концу этого срока он окончательно сломался. Став таким, каким его знали сейчас. Мудаком. О нем так и говорили: «Посмотрите, вон мудака идет». А Филипп, услышав окончание фразы, улыбался идиотской улыбкой. И не останавливаясь, проходил дальше. Лишь слабо то ли кивая головой, то ли подергивая в каком-то нервном тике.

Был ли Филипп нервным? Нервозность косвенно означает переживание. Филипп знал это, и ни о чем не переживал. Смирившись, он принимал жизнь такой, как она была. Только еще больше замыкаясь в себе.

Через время, случайно задумавшись над тем, что происходит, Филипп с ужасом убедился, что остался совсем один. Семьи у него никогда не было. Друзей тоже. Товарищи игнорировали общение с ним. Знакомые – избегали. Получалось, он был одинок. И не будь он мудаком, наверняка бы переживал. Не переживал. Даже нисколько не расстраивался. В большинстве дней в году он чувствовал себя превосходно. Хорошо ел (по привычке не много, но вес с возрастом прибавлял), спал (сон стабильный, обычно 10-12 часов), иногда позволял себе заниматься любовью с самим собой (раз в месяц по праздникам), почти не пил (бутылка пива в Новый Год). Были у него и чудачества. Например, он любил подолгу стоять на балконе (жил на девятом этаже) и рассматривать прохожих в бинокль. Бинокль был армейский, с хорошими линзами. Вообще-то у Филиппа было несколько биноклей (помимо военного полевого -- еще морской бинокль, бинокль ночного видения, стандартный бинокль, и бинокль театральный). Со временем просмотр окружающего мира с балкона своей квартиры Филипп возвел в ранг ритуального действия. Это

раньше он просто выходил на балкон и разглядывал в бинокль прохожих. Тогда у него был стандартный бинокль, который отдал завхоз школы за долги (Филипп занял ему деньги с полочки; потом занимал еще несколько раз; когда накопилась определенная сумма, и Филипп, потупив брови, спросил о долге, завхоз отдал ему в уплату долга бинокль). Поначалу Филипп не знал, что ему делать с биноклем. Предложив купить знакомым (двоим – на протяжении почти полугода) и получив отказ, Филипп было забросил бинокль на антресоль, да как-то посмотрел фильм про разведчиков, вышел после фильма на балкон (покурить и подышать), и вдруг действия его стали решительными и выверенными: он зашел обратно, приставил лестницу, достал бинокль, протер его рукавом, слез, вышел на балкон, настроил, и стал смотреть. И ему это понравилось. Когда Филипп смотрел в бинокль, он становился другим человеком. Изменения даже предваряли такой просмотр. Позже он начинал готовиться к просмотру заранее. Намечая день (чаще всего это была суббота), Филипп готовился к нему всю неделю. У него даже настроение изменялось исключительно в лучшую сторону. А совсем близко к субботе (в пятницу, а иногда даже в четверг) действия Филиппа становились более выверенными и четкими, окончательно становясь такими в день просмотра. Филипп не заметил, как просмотр вылился в ритуал. Теперь он не просто рассматривал прохожих. Филипп стал вести что-то на вроде дневника наблюдений. Продукты на субботу он тоже заготавливал заранее. Выходя на балкон для просмотра, он уже не должен был обратно заходить. Поэтому брал продукты и воду как в поход. По минимуму, усвояемые, и по минимуму воды. Позволить себе отвлекаться на туалет Филипп не мог.

Вскоре у него изменился сон. Перед днем просмотра сон стал прерывистым и беспокойным. Но Филипп не переживал, зная что все компенсирует просмотр. Постепенно день просмотра прохожих в бинокль стал для Филиппа лучшим днем недели. А если бы не повторялся каждую неделю – лучшим днем месяца, года, а то и жизни.

Среди других чудачеств можно было назвать его почти патологическое желание справедливости. О том, что такое желание не доведет его до добра, подозревал он и сам. Но сам же отметал любые подозрения, когда-то уяснив для себя, что подозрения сродни мнительности, а мнительность приводит к душевным расстройствам. Чего Филиппу не то что бы не хотелось, а он вообще этого здорово опасался. Боялся сойти с ума, в общем. И потому сдерживал себя при всяком удобном случае. По мере взросления такие случаи возникали все чаще. В итоге Филипп стал догадываться, что сходит с ума. И одно время совсем было прекратил думать, да жизнь постепенно расставила все по своим местам. Поиски справедливости закончились, особенно и не начавшись. А чтобы не переживать, Филипп стал больше времени отдавать своим манипуляциям с биноклем. Он смотрел в него, и ему хотелось это делать все больше и больше. Промелькнула даже мысль уйти со

школы, чтобы больше времени отдавать любимому занятию. Но школа это какое-никакое, но пропитание. Остаться без заработка Филипп не мог. И попросил вести дополнительные уроки.

«Какие?»—удивленно переспросил завуч. На ответ: «биноклеведение» - завуч (пожилая женщина) удивлено посмотрела на Филиппа («не разыгрывает ли?»), но убедившись, что Филипп Геннадиевич настроен решительно, решила признаться ему, что обо всем этом думает. Зная характер учителя физика, и понимая, что если он уйдет, заменить его будет не кем (за зарплату школьного учителя работать было не так много желающих), от критики воздержалась. Сказав, что обязательно подумает.

Филипп понял, что ему отказали. И глупо улыбнувшись, попрощался и побрел домой. По мере приближения к дому настроение у Филиппа улучшалось. Он решил ввести дополнительный день своих наблюдений в бинокль. Когда он открыл входную дверь квартиры, решение уже было принято. К субботе была прибавлена среда. А потом и воскресенье. Через неделю трехдневных просмотров Филипп почувствовал стойкое улучшение здоровья. Он стал заметно вежливее с учениками и коллегами (хотя и раньше не грубил), чаще улыбался, у него даже увеличилось количество дней, когда он предавался сексуальным фантазиям.

--Становлюсь человеком,--подумал Филипп, проведя легкий анализ прожитого за последний месяц.

Хорошего настроения хватило ненадолго. В глубине души Филипп ощущал себя мудаком. Особенно из-за этого он никогда не переживал, но все же было не приятно. Филипп понял, что должен сделать какие-то кардинальные изменения в жизни. Быть может даже начать жить по новой.

По новой начинать жить не очень хотелось. Жить так, как жил, тоже. Напрашивался какой-то хороший выход, но какой – Филипп пока понять не мог.

В один из дней он проснулся с неосознаваемым желанием совершить поступок, который должен был кардинально изменить его жизнь. Необходимый поступок приснился во сне. И можно было сказать, когда Филипп просыпался, такой поступок еще вертелся в его голове. Но проснувшись, он начисто забыл что должен был сделать. Забыв, он опечалился. Внезапно промелькнула какая-то догадка. Филипп решительно встал с постели, сгрэб в кучу все свои бинокли (последнее время они хаотично валялись на полу около входа в балкон), вышел на балкон, попытался было одновременно посмотреть во все сразу, улыбнулся, и посмотрев вниз, последовательно вытянул и разжал руки. Бинокли почти дружно стали падать с девятого этажа. Когда они миновали пару этажей, Филипп вспомнил сон. С ужасом он перекинулся через перила, пытаясь разглядеть что стало с его биноклями. Ничего не увидел.

Филипп понял, что совершил непоправимую ошибку. Лишившись самого дорогого, он разом потерял и смысл жизни. Появилась мысль последовать за биноклями. Но убить себя было не

просто. Нужно или сильное помешательство или сильная воля. Ни того ни другого у Филиппа никогда не было. Он подумал было сбежать вниз и собрать осколки, но тут же обозвал себя мудаком.

--А я ведь и действительно мудака,--подумал он, садясь на бетонный пол балкона.

Ему стало лучше.

--Почему я раньше себе в этом не признавался?—задал вопрос Филипп.

Неожиданно осознание, что все в его жизни объяснялось тем, что он был мудаком, вернуло Филиппа к жизни. У него улучшилось настроение. Ему даже показалось, что он стал лучше понимать жизнь. Он и действительно стал ее понимать. Ведь все что с ним происходило, объяснялось только одним: он был мудака. А раз так – надо ли о чем-то переживать? Ведь если объяснялось все именно этим, можно было не корить себя. И даже жить так, как он хотел. Мудаком – значит мудаком. Тем более что мудачество – это характер. А характер постепенно выкристаллизовывается в течение жизни и с большим трудом изменяется.

И как только он осознал все это – Филиппу сразу стало легче. Значительно легче. Более того, именно осознание того что он мудака, все расставило на свои места, и этот человек стал жить обычной жизнью. Ну а то, что это была жизнь мудака, было уже не важно. По крайней мере для Филиппа. А если неважно для него, то в какой-то мере и для нас. Так, по крайней мере, должно быть. И это правильно. В какой-то мере правильно. Но та или иная правильность почти всегда устанавливается конкретным моментом времени, когда проходят определенные события, переживаемые вами. А с позиции прожитого, оглядываясь в прошлое, конечно можно заметить, что что-то в этой жизни был не так. Но значит ли это – что было не правильно? Наверное, нет. Да и если Филиппу так было спокойнее, значит так и должно было быть. Ну, то есть, было правильно. В масштабах одного человека.

21 июля 2009 г.

рассказ

Происшествие

--Жизнь не такая уж плохая штука, - рассуждал Федор, спускаясь по ступенькам. Жил он на пятом этаже. В квартире осталась подруга. Подруга захотела пива. Только что между Федором и подругой был секс. Поэтому когда она по окончании попросила пива, Федор решил удовлетворить просьбу Александры. Так звали девушку. Девушке было слегка за тридцать. Выглядела она на двадцать. Иногда Федору казалось, что ей уже сорок. «Смотря под каким градусом смотреть»,-- усмехнулся Федор. Федор был мечтатель. Он никогда не отказывал себе в удовольствии мысленно

порассуждать о чем-то. Это придавало ему силы и приближало к внутренней гармонии. К подобной гармонии Федор стремился всю жизнь. Для достижения полной гармонии все время чего-то недоставало. Федор предполагал, что виной тому могли быть его размышления. Потому что они только поначалу начинались вполне спокойно. Потом мысли начинали наслаиваться друг на друга. И еще через время Федор начинал понимать, что снова запутался. Снова – потому что так было всегда. Ему редко когда удавалось домыслить до какого-то логического конца. Со временем молодой человек (Федору было двадцать с небольшим) понимал, что запутывался окончательно. Но не переживал. Темы для размышлений находились всегда. Был относительный плюс, что он не заикливался ни какой из них. Хотя это могло говорить и об относительно поверхностном подходе. Как бы то ни было, Федор не расстраивался. Он вообще предпочитал никогда ни о чем сильно не переживать. Ему это было не надо. Поэтому сейчас, спускаясь по лестнице, он мысленно наметил сразу несколько тем для размышлений. И поспешил поскорей купить пива, чтобы отдать его оставшейся лежать в постели подруге, а самому погрузиться в собственные размышления. Чтобы никто не мешал.

В ларьке Федор купил сразу три банки пива, рассчитывая, что подруге на какое-то время этого хватит. Подумав немного, он купил еще две. «Пять банок она будет пить долго», -- распланировал Федор. Потом станет хмельной, расслабится, ее потянет в сон, и тут Федор снова ей овладеет. Федору нравилось овладевать девушками на фоне их небольшой невменяемости. Тогда они были ближе к природе, а значит естественней реагировали не его ласки, допуская любые формы сексуальной близости. Федор любил многие такие формы. В зависимости от того, до какой степени могла идти его очередная пассия, Федор практиковал разное. Это в жизни он был стеснительным человеком. В постели Федор преображался. И даже сама постель ему была не нужна. Он мог овладеть девушкой пока она принимала ванну, мыла посуду, или сидела в туалете. Ему было абсолютно все равно. Даже наоборот, чем нестандартней была обстановка, тем это его больше возбуждало.

Когда Федор пришел домой, подруги не было.

--Вот сучка,--беззлобно подумал парень. Ему не верилось, что она ушла.

Но постель была пуста. В квартире тоже девушки не было. Хотя ее сумочка и даже одежда (удивленно обратил внимание Федор) лежали на своих местах (на полу и на стуле).

--Куда же ты спряталась?— задался он вопросом. Впрочем, скорей всего действительно сбежала. «И даже может быть,-- задумался Федор, потянувшись в легкой истоме,-- даже убежала обнаженной». От таких мыслей он почувствовал легкое возбуждение. Федор еще раз обыскал две комнаты своей квартиры. Заглянул в туалет, ванную, на кухню. Тщательно обыскал кладовку (почему-то была надежда, что Александра спряталась там). Девушки нигде не было.

--Ну и пошла ты,--выругался молодой человек, открыл и залпом выпил сразу две банки пива, достал мобильный телефон и набрал номер подруги. Звонок раздался рядом. Телефон Александры лежал на полу.

--Вот так дела?—поднял вверх брови Федор.—Не могли же ее похитить?

Впрочем, мысли о похищении Федор отменил сразу. А еще через время он набрал в поисковой системе интернета девушек «по вызову», и нащупав в кармане пару тысячерублевых бумажек, рассказал параметры ожидаемой девушки-проститутки, дал свой адрес, и стал ждать.

Через двадцать минут в дверь позвонили. На пороге стоял сурового вида мужчина. Он кивнул Федору, представился, быстро прошел по комнатам, и убедившись что молодой человек один, ввел в квартиру девушку-проститутку. Уточнив на какое время ее оставляет, взял деньги и ушел.

--Раздевайся,--коротко произнес Федор.—Впрочем,--он задумчиво посмотрел на девушку,-- просто подними платье. Ждать у Федора сил уже не было. Поэтому меньше чем через минуту он овладел стоявшей на четвереньках (тут же, в прихожей) девушкой-проституткой. Потом повторил это еще и еще раз. В разных формах и в разные части тела. Федор не любил повторяться. После третьего раза он дал девушке пива, сам взял сигарету, и вышел на балкон. Ему захотелось побыть одному.

Когда Федор вернулся в комнату, девушки-проститутки уже не была. Входная дверь была открыта. Подумав что она ушла (инстинктивно Федор посмотрел на часы, отметив что до окончания заплаченного времени оставался почти час), молодой человек захлопнул дверь, прошел на кухню, достал из холодильника оставшиеся две банки пива, открыл их обе сразу, и стал пить, поочередно прикладываясь то к одной, то к другой.

В дверь позвонили. В дверной глазок Федор увидел суровое лицо охранника.

--Она ушла,-- сказал Федор через дверь.—Ушла, у меня ее нет.

Охранник стал ломать дверь.

Федор прошел на кухню, взял нож, и снова подошел к двери. К этому времени дверь под ударами сутенера в любой момент готова была слететь с петель.

--Что тебе надо?—громко произнес Федор.—Девушка ушла. У меня в квартире ее нет.

Удары об дверь смолкли. Заглянув в глазок, Федор увидел, что охранник набирает номер по мобильнику.

--Вызывает подмогу,--пронеслось в голове Федора. Времени на раздумье не было. Федор распахнул дверь и ударил сутенера ножом в живот. Сутенер увернулся. Федор захлопнул дверь. Дело принимало нешуточный оборот. Федор огляделся. Подпереть дверь шкафом (как это обычно

делали, как он помнил, в фильмах) он не мог по причине отсутствия последнего. Поэтому молодой человек быстро прошел на кухню, взял еще пару столовых ножей, и решил держать оборону.

--Если у меня будет в руках два ножа, и я буду быстро ими махать, охранник ничего не сможет сделать,--подумал Федор.

В это время дверь вылетела и в квартиру вбежал раскрасневшийся сутенер.

Федор спрятался за дверь в кухню. Ножи он держал в руках, готовый их пустить в ход при первой опасности. Такая опасность была. Охранник был на голову выше Федора и почти вдвое шире в плечах. «О таких говорят: косая сажень»,--усмехнулся Федор.

Совсем некстати он заметил, что спокоен. Это его удивило. Он было задумался об этом, но охранник, заметивший что молодой человек скрывается за дверью, бросившись на него.

--Сука,--выдохнул Федор и коротко ударил охранника ножом в живот. Нож прорезал пустоту. Вторым ножом Федор воспользоваться не успел. Охранник скрутил его, привязал к стулу, и стал пытаться. Для этого он накалил ножи на газовой камфорке и медленно прикладывал к лицу Федора, интересуясь куда он дел Ингу («так звали девушку-проститутку»,--понял Федор, вспомнив что так и не успел с ней познакомиться).

--Она ушла,--стоял на своем Федор.

Охранник не верил и повторял вопрос.

--Обыщи комнату,--попросил Федор.—Если она здесь – ты ее найдешь.

Видимо о чем-то подобном догадался и охранник. Он оставил Федора, прошел по комнатам, вернулся, хлестко ударил молодого человека ладонью по лицу, потом кулаком в живот, потом снова по лицу. Уже кулаком. После чего сделал шаг назад, и нанес футбольный удар ногой в голову. Федор упал со стула и потерял сознание. Быть может он потерял сознание даже чуть раньше, а после уже упал со стула. Александра смотрела на тело своего парня и не могла понять что тут произошло. Она отсутствовала в квартире всего несколько часов. Позвонила подруга и попросила срочно приехать. Срочно, потому что подруга неудачно упала, подвернув ногу, и ей нужно было помочь добраться до травмпункта. Сразу после звонка о помощи, Александра выбежала, в впопыхах набросив на голое тело плащ. Теперь она вернулась и увидела картину, когда ее молодой человек лежал без сознания и обнаженный в постели (охранник, подумав что случайно убил, отвязал Федора от стула, перенес в постель, раздел, прибрал все на кухне и ушел, имитируя «смерть во сне»).

--Вот так история?—подумала девушка. Ее рука инстинктивно потянулась к телефону, чтобы вызвать «Скорую», но тут она услышала как щелкнул замок входной двери.

--Я уже пришла,--в прихожей раздался женский голос.—Надеюсь ты меня не потерял?

В комнату вошла девушка-проститутка. Увидев Александру и лежащего без сознания Федора («спит или прикидывается»,--промелькнуло в голове у девушки-проститутки), Инга подошла к Александре и протянула руку.

--Меня зовут Инга,--представилась она.—Я его подруга (она кивнула на лежащее на постели «тело»).

От неожиданности у Александры перехватило дыхание.

--А зачем вы его убили?—буднично поинтересовалась Инга.

--Я... Я никого не убивала...-- с трудом справляясь с дыханием, проговорила Александра.

--Нет, вы его убили,-- в комнату вошел охранник, который все это время прятался за дверью на кухне.—Вы его убили, а мы вас случайно застали на месте преступления. И вас тоже застали,-- охранник повернулся к Инге.—О вас вообще разговор отдельный.

--Это ты его убил,-- догадалась Инга, посмотрев на охранника.

--Да, убил,-- неожиданно признался охранник.—Потому что искал тебя.

--Что здесь происходит?—недоуменно произнесла Александра.

В это время Федор открыл глаза. Он давно пришел в себя, но лежал, не зная как ему реагировать на происходящее. По всему, был виноват он. Не разобравшись что случилось с Александрой и решив что она сбежала – сразу вызвал проститутку. А когда исчезла и та («интересно, а где она была?»—задумчиво посмотрел на Ингу Федор), он попытался убить охранника («а что если бы убил?»), а теперь вот по всей видимости должен будет объясняться со всеми тремя. Срочно нужно было искать выход из положения.

-- Инга и Михаил (наугад окрестив охранника вымышленным именем) – готовятся стать мужем и женой,-- нашелся Федор, поясняя Александре.—С Ингой мы раньше учились в одной школе. Они должны были заехать за нами чтобы вместе поехать отдохнуть в клуб. А так как тебя не оказалось – мы решили таким образом тебя разыграть.

--Но почему ты голый?—недоуменно спросила Александра.—Голый, в постели, и эта девушка (взгляд на старавшуюся улыбнуться Ингу)...

--Я же тебе говорю—розыгрыш,-- улыбался Федор, понимая, что Александра почти поверила.

--Верно, это был розыгрыш,-- признался охранник.

--Розыгрыш,-- кивнула Инга, у которой наконец-то получилась улыбка.

--Розыгрыш...--разочаровано произнесла Александра, не зная верить ей или нет, но если три человека говорят что так, должна ли она сомневаться?

--Сейчас я оденусь и все вместе поедem куда планировали,-- весело сказал Федор.

--Поедем...-- повторила, присаживаясь на стоявший напротив кровати диван Александра.— Куда поедем?—обеспокоено переспросила она.

--Хорошо, мы уже никуда не поедем,-- схватился Федор за возможность остаться наедине с Александрой и все ей объяснить. По возможности объяснить в постели. Это все-таки лучше у него получалось.

--Да-да, и у нас уже планы изменились,-- воспользовался ситуацией охранник чтобы уйти из квартиры.—Инга, мы уходим,-- сказал он, обращаясь к девушке-проститутке.—Мы уходим.

-- Ну, тогда до встречи,-- улыбнулась Инга и протянула руку Александре. Та автоматически ее пожала. Инга повернулась к Федору, не зная как она должна себя с ним вести.

--Пока, Инга,-- нашел выход из положения Федор.—Миша (взгляд на охранника), в другой раз я обещаю поставить в известность Александру, чтобы не было неожиданностей.

--Если будет другой раз,-- подумал охранник, и пожав руку Федору направился к двери. За ним пошла Инга.

--До свиданья, друзья,-- обернулась у порога Инга.—Звоните,-- сказала она уже обращаясь только к Федору.

--Непременно,-- улыбнулся Федор, потянув за руку Александру.—Я так по тебе соскучился, - нежно произнес он, опрокидывая обмякшую девушку в постель.

19 июля 2009 г.

рассказ

Куб сомнений

Когда Глеб был маленький – он мечтал о многом. С возрастом мечты поубавились. В последнее время (Глебу Владимировичу уже за сорок) окружающим казалось, что он ни о чем не мечтает. Но он мечтал. Мечтал тайно, потому что мечты его на первый взгляд не укладывались в привычные шаблоны массового восприятия. «Но ведь главное, что мечтал»,--рассуждал иной раз Глеб Владимирович, допуская, правда, что иной раз теряет нить между мечтами как тем, что никогда не может быть осуществлено, и мечтами, которые в какой-то мере уже осуществились.

О чем он мечтал? Почти совершенно точно, что такой вопрос вверг бы в серьезные размышления и самого Глеба Владимировича. По крайней мере, он всегда терялся с ответом на вопрос: как и что происходит в реальности, и прослеживается такая уж связь между тем, что когда-то произошло, и тем, что могло произойти. Хотя конечно, в том, что он теряется, Глеб Владимирович не подавал вида. В иные разы он даже вообще старался ни о чем таком не думать. И лишь иногда, в минуты каких-то по-особенному мучительных размышлений, он погружался в бездну воспоминаний. Такие воспоминания путались, пересекаясь между собой иной раз совсем

невообразимым образом. И даже казалось что выхода особого из них не будет; а он так и останется блуждать в потемках разума. С таявшей с каждым шагом надеждой отыскать выход, заключающейся, в его представлении, в любом логическом окончании пути.

Но что есть его путь? Является ли это путем в потемках, когда сам понимаешь, что как такового выхода нет; как иной раз нет даже желание продолжать это загадочное движение в никуда.

А нужен ли был ему этот путь? Так ли он был ему необходим? Или это все скорее фикция, чем какая-нибудь явно ощутимая реальность? Он тоже не знал. А может и не понимал. Ведь Глеб Владимирович когда-то сам себе признался, что многое он с большим трудом понимает; и даже (что вернее) больше недопонимает, чем понимает.

Но он так не хотел думать. Когда наступали похожие минуты, ему казалось что уходит что-то важное. И ему будет почти невозможно догнать это нечто уходящее. А через какое-то время станет и вовсе невозможно. Как невозможно будет найти нить, связывающую с его прошлым, его будущим, его настоящим.

Среди трех составляющих земного бытия человека, для Глеба Владимировича самым непонятным было настоящее время. Он никак не мог понять: живет ли он сейчас в настоящем, или это является лишь повторением какого-то пройденного пути? Или сегодняшнее настоящее словно и ненастоящее вовсе, а, скажем, задатки будущего? Пусть и непонятого им, но ведь на то оно и будущее, чтобы хранить в себе какую-то тайну. Можно сказать, что как раз над такими вопросами размышлял Глеб Владимирович.

Размышляя – он иногда плакал. Плакал тихо, с извиняющимся выражением лица, словно в своем сознании до конца не понимая что делает, или же наоборот, понимая, и от того переживая еще больше. Хотя если разобраться, может и нет ничего такого, что бы ввергло его в такое уж депрессивное состояние, результатом которого были слезы («слезы – как эквивалент выражения душевных мук и страданий»,-- совсем некстати подумал Глеб Владимирович). И хотя слезы подразделяются на слезы грусти и слезы радости («совсем некстати подумал он»), от счастья Глеб никогда не плакал. Как старался не плакать и от грусти. Так, хмуриться быть может, да насупив свои густые брови погружаться вглубь себя. Иногда он при этом ложился на кровать, и его небольшое тело (Глеб так и не вырос, оставшись со своими школьными метр шестьюдесятью сантиметрами во взрослой жизни) сворачивалось в калачик, отчего казалось еще меньше.

Работал Глеб Владимирович... Впрочем, о работе он не любил говорить. Перебрав за свою жизнь множество специальностей и так ни на какой не остановившись, Глеб Владимирович не работал нигде постоянно, перебиваясь случайными заработками и мечтая...

Да. Несмотря ни на что он продолжал мечтать. Мечты Глеба для кого-то могли выглядеть и вовсе туманно-нереалистичными, но на самом деле вполне возможно, что это было не так. Не

совсем так. Почти совсем не так. Или так – но наполовину, не до конца, и в этой самой загадочности был сам по себе весь Глеб Владимирович. Туманный, по сути, человек, с туманными и весьма неопределенными перспективами на будущее, да, пожалуй, и на прошлое. Ведь при всем своем уважении (и частичной любви) к прошлому, он это прошлое старался забыть, и что уж точно, лишний раз не вспоминать. Так для него было спокойнее. Притом что на самом деле творилось в душе Глеба Владимировича – не знал никто, и не знал он сам. А о чем он знал? Ну, например, Глеб Владимирович знал, что является, по сути, уникальным человеком. То, что вся его уникальность иной раз сводилось и вовсе к необъяснимому, Терновский (фамилия Глеба Владимировича) старался не замечать. Но когда происходило подобное, он преображался, являя собой до удивительности загадочного человека. Человека, который готов был идти вперед несмотря на любые трудности. Человека, который не сникал ни перед какими сложностями этой жизни, понимая, что как таковых сложностей попросту не может быть; да и сами сложности скорее являются таковыми лишь в нашем представлении о них. Тогда как на самом деле...

То, что на самом деле, практически не известно никому. Почти каждый человек со временем начинает примешивать в любую проблему свой туман. И тогда в итоге получается нечто и вовсе непонятно-необъяснимое. И уже при всем желании разобраться, реально осуществить это становится очень даже затруднительно.

У Глеба часто менялось настроение если смотреть в каком-то глобальном масштабе, и почти не менялось – если особо не вглядываться в то, как он жил. И пусть жил он до удивления странно, это все-таки было не совсем так. Да и вся его жизнь видимо выстраивалась в единый куб сомнений. Когда почти невозможно было понять что было на самом деле, а что лишь только казалось. Но ведь ему это нравилось?! Эта жизнь действительно нравилась Глебу Владимировичу! Ему было в ней как-то спокойно. И он почти не хотел никаких изменений. Так, быть может иногда Глеб пускался в какие-то и вовсе престранные размышления о том, как было бы замечательно, если бы...

Но дальше он обычно не продолжал, и долго в таких размышлениях не задерживался. Да и вообще, по сути, жил он просто и незатейливо, если отбросить весь тот мистический налет, которым он иной раз окутывал сам себя. Да и если ему нравилось так жить, то, собственно, пусть и живет. Главное ведь чтобы жил. А остальное лишь детали...

26 августа 2009 г.

рассказ

Загадка Максима Анисимова

Он не хотел придумать большее, чем было в самой жизни. Да и надо ли было придумывать? Он не знал. Он действительно не знал, а еще вернее не стремился о чем-то говорить более точно,

чем у него были сформированы предположения относительно совершаемого. Он много совершал поступков, которых может и не надо было совершать, но это только с одной стороны, потому что с другой – именно в совершении этих поступков он находил себя. Находил какую-то обязательную необходимость совершать именно эти поступки. Находил какую-то особую предопределенность, которую даже не мог пока точно сформировать, и она долго еще оставалась такой как была, не имея окончательной определенности. И поначалу он вроде как еще давал себе установку возвратиться назад и довершить начатое. Но вскоре понял, что это уже не нужно. Прожил ведь он какое-то время без этой самой завершенности. И наверняка еще проживет. А если что-то нарушит его бег по жизни, так он не обидится, он поймет. Он все поймет. Он вообще был способен понять если не все, то многое. Даже очень многое, если предположить, что в подобном понимании часто не понимал он что, собственно, должен понимать. А когда, по прошествии времени, пытался вернуться к тому, на чем остановился – очень быстро запутывался и прекращал попытки. Убеждая себя что «не надо». Что все и так хорошо. Что можно продолжать жить как жил, и совсем не задумываться о том, что так жить ему не стоило. Что могло существовать еще что-то, что способно было изменить его нынешнее движение. Хотя с другой стороны, что это могло быть?..

...Он не знал. Не знал, не догадывался, и если честно – как-то по-особенному и не пытался. Все выходило само собой. Как будто так и должно было быть. А если не было – то и не надо.

Хотя, видимо, он и не знал, как это должно быть. Не знал, и не понимал этого.

.....

Подобное с ним уже происходило. Случаи, правда, возникали эпизодически, и даже может не следовало в этом искать какую-то определенность, да он наверное толком и не искал, предпочитая если не плыть по течению жизни, то что уж точно, не вступать с ней в слишком явные противоречия. И если разобраться, сам Максим считал что был прав. Вернее, прав был в гораздо большей степени, чем не прав. И вот считая так, как бы полагал он, что может и не стоит ему так-то уж излишне глубоко задумываться над происходящим. Да, он верил в свою исключительность. И даже если не совсем исключительность, то точно, что Максим не сомневался, что когда-то найдется та истина, которая ему по-настоящему необходима. И вот тогда уже найти ее, считал он, будет на самом деле для него как открытие чего-то поистине уникального; того, что если и было до него, то оно затерялось вдали; среди полных равнин безбрежных пустынь человечества.

Максима подмывало сказать самому себе, что он не прав. Он частенько наблюдал как так делали остальные, другие. Но другие – это не он. Он и действительно был не такой. Высокий, статный, с кудрявой рыжей головой и белозубой улыбкой, Максим многим казался таким инопланетным существом.

Отчего они считали так, никто не знал. А может и узнали бы, если бы задумались. Да вот не задумывались. И это по настоящему было любопытно, казалось таковым, да и вообще, могло бы при случае сойти на правду, если бы сама правда была не такая до странности загадочная, как ее представляли большинство из тех, кто знал Максима.

А его на самом деле не знали. Точнее, люди знали его, но знали как бы поверхностно. Да и все их знания сводились к чему-то такому, о чем бы Максим сам удивился: как так? Почему они видят в нем именно такие черты, да не замечают другие? Отчего выходит так, что сам Максим может и удивился бы, открыв в себе какие-то загадочные способности, о которых если и подозревал что они существуют, да не придавал им серьезного значения. А тут как будто прорвало. В один день Максим вдруг узнал о себе столько, что заставило его разом пересмотреть собственные взгляды на жизнь. А саму жизнь представить в ином свете, чем она казалась ему раньше.

Но он сумел взять себя в руки. Максим видел и понимал, что все на самом деле не так. Что пусть он в чем-то еще серьезно заблуждается и не понимает, но не все в действительности так. На самом деле все было не просто. Да, иной раз, он не понимал себя. Но так было раньше. Сейчас, когда прошло время, сейчас, когда он действительно стал совсем другим, Максим как-то до странности удивлялся происходящему; и верил – что это все лишь временное явление. Это вот непонимание. Вернее, люди как раз понимали его (как казалось им). Но он-то видел иное. Он видел, что никто из них даже не попытался приблизиться к осознанию его истинной масштабности. А если кто и пытался, и даже приближался, то на каком-то этапе сворачивал в сторону; и уводило его тогда туда, откуда, как шутил Максим, уже не возвращаются.

И не знал он как выровнять ему этот путь. Причем сам путь был до удивления странен и загадочен, а иной раз как будто и вовсе вел не туда. И понимая, что может даже и дороги невозможно будет отыскать обратно, Максим все равно шел. И находил. Каждый раз Максим находил обратный путь. И находя его, понимал, что еще не слишком много потеряно, за то время пока сворачивал он в сторону. И если видел что заблуждался – сам это признавал. И тогда все начиналось по новой. И нельзя было сказать чтобы как-то (и когда-то) растерялся он или опечалился. Нет. Такого не наблюдалось.. Максим Анисимов знал верный путь. И двигался по нему, лишь иногда, в качестве то ли забавы, то ли исключительной душевной доброты, снисходя до чего-то такого, чего зачастую и сам не мог постичь. Видимо так было необходимо. Даже у самых сильных и внешне непогрешимых людей могла существовать в чем-то слабинка, что-то такое, что заставляло его или поворачивать обратно, или чувствовать себя не совсем в своей тарелке. Вот ведь как,-- иной раз задумывался Максим, но, по сути, старался особенно долго не размышлять над всем этим.

А иногда Максиму казалось что он сам все запутывал до невероятности. И в том, что это было так, вроде как и не приходилось сомневаться. И уже тогда, лишь изредка он делал попытки разобраться в том, что с ним происходило. Но вскоре такие попытки оставил, решив как-то особенно сильно не погружаться в свое состояние. Мол, пусть будет, как будет. Пусть будет как есть,-- говорил он тогда, и почти тут же понимал, что именно это и есть самое нужное, что было.

«Мне нужно именно такое состояние»,--тогда говорил он, и нисколько не старался, чтобы мысль пустилась дальше в свой забег; ибо в таком забеге было все, кроме реального окончания. Да и какое-то окончание в тот момент даже не казалось Максиму существенно важным, и тем более необходимым. «Пусть все идет, как идет»,--повторял он, и видимо был недалек от истины. Да и что такое истина? Истина – это субъективный взгляд конкретного человека в конкретный период времени на конкретный жизненный эпизод. «Тогда как на самом деле все могло быть иначе»,-- задумавшись, отвечал себе Максим, с удовлетворением отмечая собственную правоту.

Хотя так было не всегда. Не всегда...

Быть может поэтому слово «всегда» Максим старался не произносить. Оно было как бы излишне объемным, масштабным, не нужным. Да Максим и вообще старался не произносить слишком много слов, по которым можно было бы установить какую-то конкретику. И пусть неопределенности он тоже не любил, все-таки вынужден был признать, что в определенных жизненных ситуациях такая неопределенность была предпочтительнее. Для него, по крайней мере.

В один из дней Максим Анисимов решил жениться. Поначалу собственное решение не вызвало в нем сильного энтузиазма. Хотелось даже что-то такое сказать о себе нехорошее. Но Максим не спешил экспериментировать с собственным разумом, подумав, что вполне допустимо, чтобы все шло своим чередом. И если действительно он должен потерять свободу в обмен на узы брака, то пусть это случится как бы без ведома его сознания. Так бы ему было спокойнее.

Все дело в том, что кандидатуры на брак у Максима еще не было. Он вроде как и порывался переговорить с какой-нибудь из понравившихся ему девушек, да подумав так и сяк, понял что сейчас этого делать не стоило; следовало подождать.

«Надо немножечко подождать»,--сказал он тогда себе, и решил ждать.

«Ждать у моря погоды»,--предположил приятель Максима, Григорий, но Максим уже давно привык не прислушиваться к какому-то мнению, чтобы всегда оставаться самим собой, то есть не терять, по его мнению, индивидуальность. В чем быть может и был в какой-то мере прав,-- рассуждали те, кто хоть иногда думал о Максиме. Но так как думали о нем очень мало; и даже можно сказать совсем не думали, то Максим вскоре понял, что он может так попросту загнать себя. А потому решил, как когда-то читал у Карнеги, просто жить. А перед этим перестать беспокоиться.

--Да разве я так-то уж серьезно о чем-то волнуюсь,--насторожился вдруг он, подозревая, что если все-таки волнуется, это могло бы привести к печальным последствиям.

--Нет, я ни о чем не волнуюсь,--ответил он сам себе, и тут же что-то сладкое засосало под ложечкой.—Видимо я все-таки прав,--задумавшись, прошептал Максим Анисимов, и понял что все эти размышления, и даже сама необходимость их, есть великая загадка, которую так и можно было назвать: загадка Максима Анисимова. С чем он был, в общем-то, согласен.

Декабрь 2008-Июнь 2009 гг.

рассказ

Правда

Они встретились почти случайно. Он шел по улице, она шла ему на встречу. Поравнявшись друг с другом внезапно остановились. Он посмотрел на нее, она на него. Вроде как пошли дальше. Оглянулись. И... с тех пор уже не расставались.

.....

Прошло три года. Она говорила что ей по-прежнему 27. Ему на днях исполнилось 34. Он сменил имя, и вместо Влада стал зваться Виктором. Ее все также звали Викторией. Она была красива. Он обаятелен. Она иногда ругала его последними словами, он улыбался и любил ее как прежде. И она его любила. Любила, иногда быть может опасаясь признаться в этом себе. Любила, сожалела о своей холодности, но не решаясь изменить себя. «Чтобы не потерять индивидуальность»,-- говорила она. Он улыбался, и ничего не отвечал. А она боялась спросить. Боялась услышать правду.

В чем заключалась эта правда, и в чем она вообще могла заключаться (если допустить что правда была, конечно) Викторией не знала. Виктор тоже не знал. Он лишь иногда задумывался о том, что мир почти также несовершенен как и его женщина. И может потому он любил Викторию еще сильнее. У него был выбор. За день до знакомства с Викторией он познакомился с Олесей и Юлей. Обе девушки были рослые, красивые, почти сразу допустили в их отношениях сексуальную близость, и вообще, по всему было заметно, что им нравилось внимание к себе со стороны Влада. Тогда он был еще Владом. Это потом он сменил имя. После встречи с Викторией.

У них с Викторией была странная любовь. Схожие лишь на первый взгляд, они действительно казались очень похожи, стоило понаблюдать за ними чуть дольше. А если получалось провести с этой парой сутки, ни у кого не оставалось сомнений что эти люди специально родились, чтобы встретиться.

Так это было. И это было правда. Та правда, что иногда до слез щемит глаза, и которую невозможно не признать, потому что... потому что это была правда.

.....
Почему они расстались?

Были на этот счет разные мнения. По одному, все сходились на том, что их отношения попросту не могли закончиться браком, потому что не готова была к браку она. По-другому – не был готов он. Наверное надо было спросить у них. Но после расставания, ни Влада (он вернул себе прежнее имя) ни Викторию никто не видел вместе, а спрашивать мнение по отдельности означало внести сумятицу в мысли и погрешности в правду. Ту правду, к которой каждый из них стремился, но так получалось, что у каждого из них правда была своя. Отдельная от другого. И никто из них не считал, что прав был кто-то другой. Допускали, да. Но не верили в это сами. А потому сама правда казалась какой-то ненастоящей. Слишком вымученной, что ли.

А может этой правды никогда и не было. Но тогда получалась, они и правда ее выдумали? Выдумали, чтобы на каком-то этапе собственной жизни сойтись, чтобы после расстаться навсегда. Хотя, кто его знает?..

25.11.09.

Рассказ

Мой брат

На самом деле у меня несколько братьев. Одного из них зовут Александр. Внешне этот суровый мужчина на самом деле является добрым и нежным. И хотя доброта и нежность его прочно спрятаны за маской суровости, я его люблю как раз за его нежность, ибо проявление нежности у мужчины это ничто иное, как свидетельство душевной ранимости, чувственности, и... понимания окружающих.

Александр и на самом деле всех понимал. Пусть он не стремился этим окружающим о том рассказать (видимо отсюда и представление о его суровости), но то что он шел всем всегда на встречу – это факт.

Стал писать о брате, и понял, что на самом деле как будто многое о нем и не знаю. Почти всю сознательную жизнь моя брат прожил в Забайкалье (уехал после окончания летного военного училища), женился, родил сына. Когда был в звании подполковника – получил приглашение от крупной строительной компании (заинтересованной видимо его лидерскими качествами) возглавить службу собственной безопасности с зарплатой ровно в 15 раз выше его армейской.

О предложении Александр доложил жене, подумал, и... отказался.

Жена не вынесла такого, как она считала непродуманного поступка (наложившегося на общее безденежье семьи офицера российской армии) и уехала в Саратов к маме. Навсегда. Сын к тому времени уже уехал в Москву, поступать в театральную академию.

Александр уходу жены поначалу очень сильно опечалился, а после подумал, что может в этом есть свой резон. Ведь уход ее как минимум означал, что он теперь ничем не связан, а значит может исполнить свою давнишнюю мечту – стать генералом. Он подал рапорт на поступление в Москву в академию генерального штаба, получил разрешение, уехал поступать, поступил, закончил, тут же получил новое назначение, и через несколько лет стал генерал-майором. Почти тут же в его жизни стали происходить изменения, о которых скажи ему кто еще год-два назад (тем более раньше) и не поверил бы сам Александр, да еще может и посмотрел бы нехорошо на того кто ему сказал об этом.

А еще к Александру попросилась обратно жена. Но он ей отказал. Почувствовав вкус к власти, Александр постепенно избавился от своей душевной ранимости. Ну а суровость его проявилась в новом качестве, ибо суров он был теперь всегда, стал получать одно за другим новые назначения, к 47 годам стал генерал-полковником, когда ушел в отставку разом открыл несколько строительных фирм, к пятидесяти собрал свой первый миллион евро, потом стал вкладывать деньги в спорт (когда-то Александр был неплохим голкипером, входил в молодежную сборную РСФСР), потом... А потом Александр женился. Его избраннице было 27 лет, звали ее Оксаной, занимала она пост директора консалтинговой фирмы, и не только первая влюбилась в Александра, но и предложила ему отбросить все условности и сомнения и жить вместе.

Александр, было, задумался, да потом разом отмел все сомнения и женился.

А потом у них родилась дочь. Моя племянница. Назвали они ее Вероникой, к моменту написания этого рассказа она уже заканчивает школу.

12 декабря 2009 г.

рассказ

Ощущение счастья

Непонятное чувство порой захлестывало меня. Я мог бы списать это на какую-то усталость, или иную непонятность, но ведь подобное продолжалось с невероятной частотой. И создавалось впечатление, что это может продолжаться вечно.

В один из дней Ивар Переделкин задумался над тем, почему он живет так, а не иначе. С одной стороны, это, конечно, совсем не вопрос. Даже просто не вопрос. но вот с другой... С другой стороны Ивар Переделкин понимал, что слишком часто все что делал он смахивало на бег в никуда. Да, он всегда возвращался из этого бега, из этого непонятного движения в бесконечность. Но вот с другой стороны... С другой стороны подобное уже так или иначе стало его настораживать. Шутка сказать, дожить до сорока лет, и толком ни к чему не прийти. Работа его давно уже не занимала. Должность младшего научного сотрудника была тем максимумом его карьеры, через который он не

мог перешагнуть. Да и не пытался. Холост, никогда не был женат. Женщины вообще его не интересовали. Так, иной раз воображение начинало рисовать какие-то чудеса, но не больше. И ни в какое реальное воплощение это не вырисовывалось. Можно сказать – пустое все. Ивар так и говорил.

Папа Ивара был латыш, мама русская. Родители виделись всего раз в жизни, после мама вышла замуж за человека, которого не любила. После как-то быстро развелась. Потом выходила замуж еще несколько раз и каждый раз брак заканчивался в течении года. Когда Ивару исполнилось семнадцать, она призналась, что совсем не знала его отца. Познакомились на дискотеке, провожая ее домой, отмечали знакомство около каждого ларька, и так бы до утра передвигались к дому перебежками (новый знакомый провожал девушку к ее дому), если бы после очередного выпитого обоим не захотелось любви, день был майский, ночь теплая, и парочка завалилась делать любовь под ближайшим кустом.

После того как юноша кончил, он уснул. Мама Ивара встала и ушла. А через время узнала что беременна. Родители девушки аборт делать запретили, она родила Ивара и стала искать мужа, да как мы уже знаем безрезультатно.

Ощущение ненужности пришло к Ивару слишком рано, чтобы он мог как-то с этим справиться. Он и не справился, и стал влачить столь жалкое по духовным качествам существование, что вскоре махнул на себя рукой. Да и что ему оставалось. Характера не выработал, генетика видимо была еще та, и получалось так, что он как-то быстро стал не нужен даже себе. А когда человек не нужен себе, он автоматически не нужен никому.

.....

В один из дней Ивар проснулся с невероятным желанием начать новую жизнь. Можно сказать, он бы ее и начал, да в который раз что-то ему помешало, он погрузился вглубь себя, а когда он погружался вглубь себя, обратно возвращаться ему было очень-очень трудно. И потому он обычно оставался в своем состоянии на несколько дней, пока что-то не отвлекало его. Это что-то рисовало загадочные перспективы, казалось, что все станет хорошо, он наконец-то обретет себя, но проходило еще какое-то время и все возвращалось на круги своя. А жизнь его так и была бегом по кругу. Ну или бегом в бесконечность. Ту бесконечность, которая уже порядком ему приелась, надоела, и вообще, давно уже была безразлична.

Преисполненный решимостью начать новую жизнь, Ивар решил начать с себя. Он понял, что должен поменять себя, поменять свой ритм жизни, поменять быть может и саму жизнь. Но при этом, сколько он не пытался сделать это раньше, ему не удавалось. Почему же должно было получиться сейчас?

Он и сам не знал ответа. Да, весь ответ быть может сводился к самому простому, но вот как нащупать это самое простое, он не знал. А потому промучившись какое-то время, решил оставаться таким, каким он был. Да, тщедушным в душе, да, слабым внешне, да, неуверенным, с неустойчивой психикой, но все-таки самим собой. Ибо понял он, что попросту не надо ничего менять, он должен быть таким, какой есть. И как только пришло понимание подобного, тотчас же стало легче в душе, а за легкостью как-то незаметно подкралось и ощущение счастья. Он и сейчас живет с этим ощущением. Ощущением счастья. Да и разве этого мало? Такое бы ощущение каждому, так может и жизнь казалась бы полней, и не было бы душевных мук да страданий, а люди стали бы добрее. Хотя кто знает. Жизнь слишком многогранна, чтобы сводить ее к каким-то формулам да житейским правилам. Ну а что до Ивара, сейчас он был счастлив. И это было главным.

31 марта 2011 года.

рассказ

Истина

И ведь не сказать, чтобы он ошибался. Хотя ошибка всем остальным казалось настолько явной, что и не могло быть речи даже пытаться в чем-то выправить положение. Нет. Ошибка это ошибка, а исправление это исправление, --говаривал в таких случаях дед Глеба (Глеб – наш герой), да деда все считали сумасшедшим и особенно не верили ему. А зря, считал Глеб, часами бывало просиживая в гостях у полоумного старика (через час общения Глеб сам считал старика полоумным, но сидел и слушал). Что Глеб надеялся услышать? Истину, как он полагал. Вернее, он очень хотел бы услышать истину, да все выходило так, что ничего толком ему не удавалось. Или все же удавалось?

Глеб задумался. На вид крепкий мужчина тридцати лет, Глеб Воронков был слаб характером, часто заискивал перед окружающими, впадал в депрессии, порой находился в каких-то непонятных окружающим раздумьях часами, был глубоко несчастлив, верил во что-то свое (непознанное - непонятное, как признавался и сам), и вообще по всему выходило, что он был чужим в этом мире. Мир его не понимал, и он не понимал мир. И был преисполнен какого-то патологического желания отыскать истину. Причем, в чем она заключалась, толком объяснить не мог, от ответов уходил, а если вопросы повторялись – замыкался в себе.

Могли ли к чему толковому привести эти поиски истины? Скорей всего нет. Но Глеб не отчаивался и... искал.

В один из дней таких поисков Глеб встретил ее. Высокая и светловолосая, она чем-то необъяснимо-неподвластным притягивала его взгляд. Глеб лишь раз взглянул на нее и смотрел, не в силах оторвать свой взор. Девушка тоже обратила на него внимание. От волнения у нее колыхалась

грудь. Или это только казалось Глебу. У Ольги (непреодолимая сила толкнула Глеба, он подошел и познакомился) были красивые губы и склонное к полноте тело. Сколько ей лет Глеб не понял, поэтому отвел неопределенную цифру от 30 до 40, потому что Ольге могло быть и 32, а могло быть и уже сорок.

Но насколько был важен ее возраст, если Глеб влюбился в нее с первого взгляда. Он полюбил ее глаза, полюбил походку, вслушивался и волновался при ее голосе, Глеб даже представил, как будет обнимать эту девушку в постели, и это тоже его волновало.

Однако сейчас до постели было еще очень далеко.

--Вы где живете?—спросила Ольга, еле заметным кивком головы отбросив спадающую на глаза челку.

--Живу? Да я не жил еще без Вас, -- хотелось сказать Глебу, но он сдержался и промямлил что-то про район «Ржевки и пороховых складов».

Ольга улыбнулась. А потом она взяла его за руку и повела к себе домой. Ну, или Глебу так показалось, что повела его к себе домой, а на самом деле вскоре оказалось, что они просто гуляли.

Гуляли они всю ночь. К утру, изможденные но довольные, расстались. Причем девушка сказала, чтобы он ее не провожал, а на его немой вопрос «почему?», призналась, что ее будет встречать муж. Вернее она его.

--У нее есть муж,--обреченно подумал Глеб. Больше с этой девушкой ему видеться не хотелось.

И тут Глеб вспомнил, что он все-таки не выполнил самое главное. Ведь встреча с Ольгой, как показалось Глебу, была не случайно. Но сейчас мы не узнаем, рассчитывал ли Глеб с помощью Ольги найти истину (ту истину, что так долго искал), или была еще какая причина, но так случилось, что девушка вдруг бросилась ему на шею, и припав губами к его губам, попросила, чтобы он переспал с ней. Тут же.

Глеб растерялся от такого предложения. Что-то говорить о том, что он не готов вот так сразу, хотя и сослаться на какие-то внезапно возникшие дела он не мог. Значит оставалось...

Что оставалось, мы тоже не узнаем, потому что девушка вдруг отстранилась от Глеба, покраснела, и призналась что обозналась, перепутав Глеба с кем-то другим.

Глеб уже ничего не понимал. Весь мир покачнулся перед ним и медленно поплыл. Глеб понял, что сходит или уже сошел с ума. Казалось, выхода у него не оставалось, как только смириться, признав, что раз так, то пусть все будет так, как происходит.

На миг он потерял сознание, и медленно опустился на землю. А когда очнулся, девушки уже не было.

--Ну что, нашел истину?

Оглянувшись, Глеб увидел позади себя деда.

--Ты как тут оказался?—еще до конца не веря в происходящее (то ли явь, то ли сон, то ли такая жизнь после смерти) спросил Глеб.

--А ты не спрашивай,--усмехнулся дед.—Представь себе, что я как раз пришел по твою душу, чтобы помочь найти истину.

--А ты знаешь что такое истина?!—собрался уже радостно вскричать Глеб, но губы не слушались его, и вопрос повис в воздухе.

--Знаю-знаю, внучок,-- усмехнувшись сквозь буденовские усы, произнес дед.

--Мистика какая-то,--к Глебу стало возвращаться сознание.

--Пойдем,--произнес старик, и пошел, словно зная, что Глеб пойдет за ним.

Он и пошел. И только когда они прошли уже приличное расстояние, Глеб вдруг задумался, что ничего такого в реальности не может произойти, потому как дед его давно умер.

И как только подумал он об этом, тотчас же перед ним предстало то понимание, что он так долго искал.

--Понимание истины,--прошептал Глеб.—И истина заключалась в том, что необходимо было жить настоящим. Не будущим, или тем более прошлым, а самым что ни на есть настоящим.

И как только Глеб понял это, тот час же перед ним все стало на свои места. Мир вновь обрел былые краски. Птицы защелкали. Румянец появился на щеках. Глазки засверкали. Вздохнул он полной грудью. Плечи распрямил. И... начал жить.

А Ольгу Глеб со временем нашел. Правда, оказалось, что зовут ее не Ольга, а Виктория. Но какая разница, когда любишь. Тем более, что это уже была другая история.

Май 2011

рассказ

Эта страшная сила любовь

Эта страшная сила любовь. Когда Ивану впервые пришла в голову эта мысль, он не помнил. Но как сейчас вспоминает, тогда ему еще (лет десять назад из нынешних тридцати) не виделась настолько вся глубина смысла этой чудовищной, по сути, фразы. И только сейчас, когда прошло уже достаточно времени, он осознал всю пагубную порочность и любви и влюбленности.

--Любовник не принадлежит себе,-- не раз говорил себе Иван.--Вся его сущность, все его жизненное существование во время влюбленности продиктовано единым подчинением любимой. А значит куда-то в сторону уходят (постепенно и неотвратно) все личностные интересы. А уж если любимая попадает с развитыми эгоистическими наклонностями, тогда уже пиши пропало.

--Ты правда так считаешь?—спросила Настя, подруга Ивана, которая сейчас полулежала обнаженная на диване, чуть прикрывая краем простыни свои половые губы. Только что между влюбленными был секс. После которого Иван и поделился с любимой своими мыслями.

--Считаю,--несколько обреченно, как показалось Насте, произнес Иван.

Девушка потянулась было к любимому, да заметив излишнюю задумчивость Ивана, замерла на полпути.

--Не печалься,--сказала она, закуривая.—Еще не все в этой жизни потеряно. Быть может и на нашей улице будет праздник.

Иван несколько удивленно посмотрел на любимую, потом наклонился к ней и стал целовать ее между ног. Девушка потушила сигарету и расслабленно распласталась по дивану. Иван усилил свои движения. Теперь он поочередно, то целовал краешки половых губ, то проникал между ними языком, то слегка причмокивая, посасывал клитор. Девушка кончила. Потом еще и еще раз.

--Спасибо,--нежно прошептала она, в измождении попытавшись отодвинуть от своей вагины Ивана.

Но Иван и не думал останавливаться. Когда ему хотелось секса (обычно раз семь – восемь за день) он уже ни о чем не думал. Вот и теперь, он продолжал вылизывать половую щель девушки, его член при этом набух, возобновившиеся стоны Насти усилили его возбуждение, он увеличил темп и через время вновь довел Настю до оргазма. На этот раз Настя сначала вся сжалась, мышцы ее тела на миг окаменели, а после она стала биться словно в конвульсиях, крича от наслаждения и обливая лицо Ивана выплеснувшимся из нее соком любви.

--Вот это любовь. Вот это я понимаю,--почти одновременно подумали и Иван и Настя.

Насте было двадцать девять лет. Она очень хотела замуж за Ивана. Но он пока не предлагал, а она стеснялась попросить взять ее в жены. Зато он ее «брал» каждый день по несколько раз. Сейчас они были в отпуске (Иван работал инженером на стройке, Настя менеджером в туристической фирме), времени у обоих было хоть отбавляй. Никуда из города не поехали. И уже целую неделю проводили в постели, наслаждаясь взаимными оргазмами.

Иван тоже кончил. Для этого он просто вставил свой член в рот Насте, и дождавшись когда та начнет его сначала всасывать в себя а потом сосать, кончил. Потом вынул еще не успевший пенис изо рта девушки и вставил ей в попу. Настя почти тотчас же кончила от этого удовольствия. Влюбленные знали друг друга уже несколько лет, и для получения взаимного удовольствия им совсем не нужно было искать способы удовлетворения. Настя знала, что Иван любит, когда она сосет ему, и любит когда его член проникает в ее попку. Попка у Насти была маленькая и упругая, ростом девушка была невысокая, все еще продолжала (начав с детства) заниматься танцами, имела короткие волосы, бритую пеньку, большие губы, достаточно развитый клитор, и очень любила

анальный секс, получая от этого незабываемые впечатления. Она могла бы себе даже признаться, что любила, когда Иван проникал в ее попку больше всего, но вспоминая как он лижет, девушка решила что любит одинаково и когда Иван входит в нее сзади (именно в попку, традиционный секс девушка не любила), и когда буквально всасывает ее в себя, вползая сначала языком, губами, а потом и чуть ли не всем лицом между ее широко (на шпагате) раздвинутых ног.

Что до Ивана, он знал, что Настя любит, когда он ей лижет (поэтому делал это всякий раз и по несколько раз в день, благо, что время позволяло, отпуск), и по особенному любит, когда он раздвигает ей ягодицы, смачивает отверстие, и осторожно вводит своей член в ее попу. Член Ивана наиболее подходил Насте по размерам, потому что не делал ей больно (попа все-таки не растянутая вагина), а дарил наслаждение, несравнимое ни с чем. Да и немаловажно, что ни Настя ни Иван не боялись что Иван кончит, поэтому без презерватива (на дух не переносил Иван гандоны), скользя и погружаясь то вглубь то назад, Иван в спокойном порядке доводил до оргазма и себя и Настю.

Бывало Настя успевала кончить несколько раз. А Иван только раз. Но оргазм его был сильный. Намного сильнее чем когда кончал он в рот Насте. Да и если честно, попка любимой нравилась ему намного больше.

Попка Насти дарила Ивану самые незабываемые впечатления. Будила в нем фантазии. Рождала самые сокровенные желания. В общем, Настя ему нравилась и вполне его устраивала. А Насте нравился и устраивал Иван. А что до страшной силы любви, так Иван сейчас об этом и не думал. По его телу разлилась счастливая нега. Он испытал сильный оргазм. Он удовлетворил свою любимую. И какая в этом случае любовь может быть страшной? Она прекрасная. Красивая и опасная. Сексуальная и всякий раз удовлетворяемая. И так ему и ей необходимая.

А еще понял Иван, что ему нужно почаще кончать. Тогда загадочные мысли отпустят его. А значит жизнь будет насыщенная и счастливая.

Иван обнял прильнувшую к нему Настю, и они уснули счастливым сном любящих друг друга людей. А это самое главное.

Июль 2011

рассказ

Еще, еще, еще...

Он жадно втягивал в себя ее вульву. Ему хотелось еще и еще. Она стонала, кричала, сжимала губы, снова стонала и кричала, и кончала, кончала, кончала.

Ее звали Ольга. Его Егор. Егор ебал Ольгу уже три дня. Два из них он только лизал. На третий вставил, было, свой член ей в рот, передумал, раздвинул ноги Ольги, и выебал ее. Потом еще и еще. Ольга была счастлива. Она разомлела от неги и свалившегося на нее наслаждения. Егор

все еще методично обрабатывал вагину невесты (Ольга и Егор три дня назад подали заявление в ЗАГС), когда девушка внезапно представила на месте Егора себя. От этого она чуть не сошла с ума.

--Вот что значит ебля три дня без правил,--подумала она. И вдруг испытала такой сильный оргазм, что на миг все затуманилось в голове девушки. Ей не хотелось, чтобы Егор останавливался. Ей не хотелось вообще, чтобы все это когда-то заканчивалось. Ей только хотелось еще. И губы ее шептали «еще, еще, еще...»

Июль 2011

рассказ

Рецепт счастья

Его мозг разрывался от неестественного давления. Третий день он мучился и страдал. Третий день ему хотелось чего-то, что он не знал сам. И от того что не знал, от этого Аркадию становилось еще тяжелее.

--А все-таки,-- задумался он.

Впрочем, любые мысли он отгонял. Размышления наводили на него еще больший ужас, чем если он ни о чем не думал.

Но он думал. Он думал все время. Думал тогда, когда находился в одиночестве. Думал, когда с ним рядом был кто-то. Он даже думал когда спал. И если по честному, думал не от того что думать так-то уж хотелось, а попросту потому что у него не оставалось иного выбора. Как не думать.

--Ну что, все еще обдумываешь неосуществимые проекты?— подошел к нему его товарищ, Егор. Аркадий только вышел из подъезда собственного дома и задумавшись куда ему пойти (направо или налево) в нерешительности остановился.

--Думаю,--тут же ответил он. Аркадий знал какое мнение о нем у остальных и старался не развенчивать его.

--А я вот стараюсь не думать,--искренне признался Егор.

--Как не думать?—опешил Аркадий.—Совсем?

--Что совсем? Ну да, да, конечно совсем.

--И как? Получается?

--Получается.

Аркадий удивлено посмотрел на товарища.

--А что тут такого?—спросил Егор.—Если хочешь, и тебя научу.

--Научи.

--Пойдем,--Егор взял товарища за локоть и потянул за собой.

Пошли направо,--бессознательно отметил про себя Аркадий.

Они шли какое-то время. Вокруг были дома. Стояла весна. Пели птицы, которых не было видно за распустившимися деревьями.

--Знаешь что,--остановился Егор.—Я тебя действительно научу.

--Научи,--попросил Аркадий.

Еще через несколько минут перед товарищами стал виднеться магазин разливного пива. Еще через минуту они вошли вовнутрь. Через три минуты вышли. В руках у каждого был пакет. В пакете по 5 литров пива. Итого 10 литров всего. И по пять на брата.

--Теперь смотри,--сказал Егор и достав литровую бутылку (пять литров по литру, всего пять бутылок у Егора и столько же у Аркадия).—Доставай!—сказал он товарищу. Аркадий достал свою бутылку.---Пей.

--Наперегонки?—спросил Аркадий, но заметив что Егор не спеша пьет свое пиво, понял что должен просто пить. И он стал пить.

--Ну как?—поинтересовался Егор, смотря на товарища.—Полегчало?

--Немного,--признался Аркадий.

--Эх, как мозги у тебя засорены,--удивленно произнес Егор и достал вторую бутылку.

Аркадий последовал за ним.—Пьем.

Они выпили по второй бутылке. На душе стало хорошо. Проблемы отпустили. Неясные доселе мысли приняли осмысленный ход.

--Теперь пройдемся,--сказал Егор, и пошел вперед. Аркадий последовал за ним.

Через десять минут на их пути показалась полянка. Вокруг были дома. А тут такое место. Аркадий было подумал, что хорошо что еще застройщики в Питере до него не добрались со своей уплотнительной застройкой, но еще не успел он развить свою мысль, как она ушла.

--Надо же!—с удивлением подумал он.

--А ты думал!—словно угадал его мысли, сказал Егор.—Давай еще по одной.

Товарищи присели на пенек и выпили третью бутылку. Бутылки были литровые. С трех литров обоим стало хорошо. А еще Аркадий заметил, что ему стало весело и комфортно. Такого комфорта он давно добивался в душе, но не получалось. Сейчас все складывалось как надо.

--Ну вот видишь!—улыбнулся Егор.—Полегчало!

--Полегчало!—повторил Аркадий.

--Давай еще по одной?—предложил было Егор, но видя что Аркадий смотрит на него веселыми и улыбающимися глазами, остановил руку на полпути к пакету.—Нет, немного обождем.

Егор полез в карман джинс, и, покопавшись там, извлек наружу небольшую сушеную рыбку. Рыба была уже очищенная, порезанная, и бережно упакованная в целлофановый пакет.

--Жена собирала,--пояснил он, заметив взгляд товарища.

Аркадий неопределенно кивнул. Он не знал, есть ли у Егора жена. За несколько лет их общения он так ни разу и не поинтересовался.

---Аркадий,--посмотрел на товарища Егор, раскладывая на пеньке кусочки рыбы на расстеленном пакете.—Давай выпьем с тобой за открытый нами рецепт счастья.

Аркадий посмотрел на товарища. Он знал, что сам лично ничего не открывал. Но ему стало приятно быть приобщенным к столь великому событию как открытие рецепта счастья. Конечно, ему еще хотелось спросить, что это за рецепт, который, получается, они открыли вдвоем, но он сдержался. Ему и так было хорошо. Вокруг весна. Полуденный день. Солнышко. На полянке кроме них никого. Выходной день. На работу (Аркадий работал на заводе) только завтра. И пиво.

Когда они допили четвертую, а потом и пятую бутылку, им стало настолько хорошо, что они прилегли тут же на травку.

--Вот он, рецепт счастья!—счастливо подумали вместе, погружаясь в сладкий сон. Сон без кошмаров, сон без сновидений, сон отдыха и наслаждения.

Июль 2011.

рассказ

Пока, как пока

--А все-таки странная штука, жизнь,--задумчиво произнес Абрам Алексеевич, залезая под юбку своей соседке, Люсе.

Люсе было 20 лет, вместе со своим молодым человеком она снимала квартиру напротив, целыми днями сидела дома, скучала. Абрам Алексеевич даже не помнил кто первый с кем познакомился. Кажется, у девушки застрял ключ в двери, Абрам, как истинный мужчина, решил ей помочь. Девушка поначалу отвергла его помощь, он вошел в свою квартиру, прошел на кухню, поставил чай, закурил, а потом раздался звонок в дверь и девушка, представившись соседкой Люсей, попросила его о помощи.

Абраму было сорок лет. В его жизни когда-то была сильная любовь, закончившаяся браком и почти тут же случившимся разводом. С тех пор Абрам жил один. С родителями. Сейчас было лето, родители жили на даче, и Абрам был полностью предоставлен сам себе.

--Мне так хорошо с тобой,--призналась Люся, которая совсем разомлела от ласок истосковавшегося по женщине Абрама. Абрам уже на протяжении получаса гладил и целовал все что видел перед собой, а перед собой он видел только обнаженную Люсю. Люся только что рассталась с молодым человеком, решив, что лучше Абрама попросту не найти. Что до Абрама, то

мы не знаем, думал ли он так же о Люсе, но и в минуты когда его член уже готовился к проникновению в женщину, вроде как о другом думать уже и не досуг.

--Я хочу навсегда быть с тобой,--сказала девушка, после того как Абрам, кончив, перелез через нее и прилег рядом.

--Я тоже,--признался Абрам. Сейчас ему было хорошо. И он был готов выразить любую благодарность подарившей ему такое наслаждение девушке.

--Нет, ты не понял,--поднялась на локоть Люся. Ее светлые и чуть намокшие от страсти локоны слегка закрывали глаза, поэтому она отодвинула их рукой и Абрам увидел перед собой любящий взгляд, судя по всему, влюбленной в него девушки. На миг это вернуло его в реальность. Он понял, что должен сказать сейчас ответ, потому что...

--А почему именно сейчас?—задал себе вопрос Абрам.—Почему именно сейчас, когда он хотел полежать спокойно, погрузиться в свои мысли, просто отдохнуть душой, отдохнув до этого телом, он обязан что-то отвечать.—Я понял,--сказал он.—Поверь, я все понял.

--И каков же тогда твой ответ?—Люся видимо решила взять все и сразу.

--Мой ответ?—улыбнулся Абрам.—Я тоже хочу быть с тобой.

--И связать со мной жизнь?—чуть с придыханием, еще не веря всему, прошептала девушка.

--И связать с тобой жизнь,--ответил Абрам.—А как ты это представляешь?

Девушка на миг задумалась. После того как она рассталась с молодым человеком, она продолжала снимать квартиру рядом с квартирой, где Абрам Алексеевич проживал со своими родителями. Но она как-то не думала, что будет дальше. Жить со стариками ей не хотелось. Но сможет ли Абрам переехать к ней. Хотя когда они будут жить рядом с родителями... Девушка задумалась. И глядя на нее, Абрам понял, что у нее нет ответа. По крайней мере, пока.

--Мы могли бы снять другое жилье,--наконец произнесла девушка, осторожно посмотрев на Абрама.

Абраму не хотелось снимать другое жилье. У него было свое. И жизнь с родителями его вполне устраивала. Старикам было по 70 лет, в его жизнь они как-то особенно никогда не вмешивались. Прощали недостатки. Кормили и поили. Абрам, работая мелким предпринимателем, целыми днями был предоставлен сам себе. Периодически ходил к проституткам. Или знакомился с бесплатными девушками. И его вполне устраивала такая жизнь. Также как, по всей видимости, устраивала и его родителей, которые нисколько не торопили его с возможной женитьбой.

И вот теперь он непременно должен был делать какой-то выбор. А делать такой выбор ему не хотелось.

--Понятно,--Люся легла рядом, уставившись в потолок. Абрам не знал, на самом ли деле она все поняла, но решил, что видимо о чем-то таком действительно догадывалась.

--Что я теряю?—мысленно сказал сам себе Абрам.—У меня будет постоянная сексуальная партнерша. Молодая. Бесплатная. Любящая меня. Позволяющая в постели делать с ней даже больше, чем позволяют некоторые проститутки. К тому же Люся была девушка чистая, судя по всему, кроме него больше ни с кем не спала, а от гулящих баб еще неизвестно что и когда можно подхватить.

Казалось, Абрам сделал свой выбор. Как будто бы все говорило о том, что он должен быть с Люсей. Все равно ведь у него кто-то должен быть для секса, так зачем искать. А тут как будто все под рукой. Захотел – минет. Захотел – в попу. Захотел – оприходовал девушку обычным способом. Неужели плохо? А захотел,--и при мыслях об этом член Абрама начал набухать,--можно разыграть ролевые игры. Нарядить Люсю в костюм, например, невесты. И, задрав платье, взять ее прямо на столе. А можно одеть в ее костюм женщины эссесовки, строгой и неподкупной, и улучив момент, наброситься на нее, повалить, и вставить свой член ей в рот. Заставив жадно сосать.

Член Абрама уже стоял как вкопанный. Люся заметила движение пениса мужчины, и недолго думая водрузилась на него. Абрам стал ебать Люсю, а Люся, со своей пролетарской скромностью (работала Люся продавщицей в универмаге) принялась ерзать на члене Абрама, с желанием поскорее вызвать семяизвержение. Она вдруг подумала, что если у нее от Абрама будет ребенок, ни сам Абрам, ни его родители не позволят им расстаться. Абрам видимо понял тоже самое, и как только понял, тут же выскользнул из под девушки. Люся, словно в запале, припала к члену Абрама губами. А после того как он кончил, вылила содержимое из своего рта себе на палец, и глубоко всунула палец в вагину. Она очень хотела детей от Абрама и искала любые способы забеременеть.

Что до Абрама, то он, заметив движения девушки, вставил высунутый член обратно в рот Люсе и принялся писать.

--Кх, кх,--закашлялась девушка, отстраняясь.—Что ты делаешь?

Абрам не стал останавливаться и теперь писал Люсе на лицо.

--Золотой дождь,--улыбнулся он.

--Ну не знаю,--смутилась девушка.—Она всего, конечно, еще не знала. У них в деревне под Тверью так было неприято. Но Люся понимала, что приехала в Москву, и тут должна играть по другим правилам. Да и что ей еще оставалось? Отстранить от себя Абрама? Поругаться с ним?. И после остаться в одиночестве? Нет. Такая перспектива ее нисколько не прельщала.

Видимо об этом знал и Абрам, потому что после того, как он пописал на девушку, он повернулся к ней попой, и заставил ее всунуть язык ему в анус. Девушка повиновалась. Абрам застонал. Член его снова стал набухать.

--Извращенец,--подумала Люся, но тут же ей стала стыдно, и она принялась с такой лаской окучивать поляну, что Абрам готов был кончить только от этого. Но сдержался. И повернув девушку на живот, раздвинул ее ягодицы и вошел в нее сзади. Член Абрама только на миг столкнулся с сопротивлением, но тут же лаз открылся, и стоны Абрама смешались со стонами извивающейся под ним Люси. Кончили они одновременно.

--Пусть будет пока так, подумал Абрам.

И видимо о чем-то таком подумала Люся, потому что, склонив свою голову к животу Абрама, закрыла глаза, расслабившись.

Так они и лежали вместе, думая видимо каждый о чем-то своем. Но ведь самое главное, что они были сейчас вместе.

И это на данный момент видимо было действительно главное.

Июль 2011

рассказ

Студенческие дела

Переоблились все в царстве разврата. Друг друга трахали во все места, девочек ебали преимущественно в попу и в рот, мальчики давали им пососать свои полуобрякшие от длительного секса члены, в общем, все было настолько занимательно, что Вероника на миг задумалась, туда ли она попала?

Веронике было 20 лет, она только недавно перевелась в госуниверситет из универа своего города, на третий курс как и предполагала (пришлось доздать пару экзаменов), поселилась в студенческом общежитии, и что тут началось!

Сначала к ней подкатил местный охранник, причем сразу с предложением взять у него в рот. Вероника подумала что шутка. После охранника с подобным предложением подошел студент пятикурсник. Он так и сказал, что с пятого курса, она новенькая, он всех перебал и хочет теперь с ней.

У Вероники промелькнула мысль, что это все розыгрыш. В Башкирском университете, где она до этого училась, ничего подобного не было и не могло быть. Но Санкт-Петербург видимо другой город, подумала она, и чудом избежала поползновений еще одного любителя острых ощущений, который сразу после приветствия полез к ней в трусы.

--Нет, тут и правда черт те что,--ужаснулась девушка.

Честно сказать, ей хотелось, чтобы ее отъебали. Новые подруги (с которым она успела пообщаться за те несколько дней пока переводилась на факультет) давно ходили, по их словам, ебаные и перебаные, но чтобы вот так сразу, взять в рот у незнакомого парня? Вероника этого не

понимала. Она даже на время забыла, что в бытность ее учебы в родном городе, ей очень нравился анальный секс. Попка ее была упругая, манила своей красотой, и Вероника с удовольствием наслаждалась, когда какой-нибудь ее друг вгонял свой член между ее ягодиц. Но, во-первых, это был ее друг. Во-вторых, об этом никто не знал. А в третьих, чтобы вот так, на людях сосать... Нет, этого Вероника и правда не понимала.

--Послушай, что ты кочевряжишься,-- подошла к ней новоиспеченная подруга и соседка по общежитию Зоя.—Знала бы ты как классно когда тебя ебут, да еще если не один хуй, а несколько.

Вероника удивленно посмотрела на подругу. Высокая, стройная, Зоя не производила впечатление бляди. Но видимо внешность оказывалась весьма и весьма обманчивой.

--И что, прям сразу и в рот,--спросила Вероника.

Зоя посмотрела на нее удивленно, потом словно что-то поняла, улыбнулась, и, вздохнув, сказала: «почему же в рот. Можно и куда захочет».

--А куда он захочет?—хотелось спросить Веронике, но она постеснялась.

--А уж если захочет в рот, значит в рот,-- то ли угадав ее мысли, то ли вспомнив что-то свое, произнесла Зоя. После чего вздохнув и бросив на прощание что-то типа: «не строй из себя целку», удалилась.

Вероника задумалась. Такого расклада она не ожидала. Да, ей хотелось ебаться, да, она любила это, да, у нее в Башкирии остался молодой человек и два друга, но чтобы вот так сразу... Все-таки она этого не понимала.

--А что тут понимать,-- ошарашила Веронику ее сестра, которая заканчивала университет и которая, собственно, переманила Веронику в Питер.—Что тут понимать. Пока молодая – ебись на право и налево. Станешь старая – и твоя дряблая пизда будет никому не нужна.

Вероника задумалась о подобной перспективе. Она представила свою мать, которой было уже пятьдесят, и пизда которой видимо и правда была старая и дряблая. Такая пизда не могла удержать в себе хуй,--отчего-то подумала Вероника, и от этих слов ей сначала стало стыдно, а потом захотелось, чтобы ее отъебали прямо сейчас, чтобы убедились, что ее пизда как раз упругая, и крепко, очень крепко обхватывает молодой и упругий хуй.

Вероника огляделась. По коридору шел студент с соседнего курса. Некоторые лекции были смешанные, и обладающая хорошей памятью девушка вспомнила молодого человека. Но вот как подойти?

Молодой человек подошел сам.

--Привет,--сказал он.—Ты не хочешь потрахаться?

--Тут и правда все сумасшедшие,--промелькнуло в голове девушки. Тем не менее она сдержалась чтобы произнести это вслух, и утвердительно кивнула.

--Хочешь!—обрадовался парень.—Пойдем тогда ко мне в комнату. Пока никого нет,-- добавил он, когда Вероника послушно пошла за ним.

Зайдя в комнату, молодой человек сразу достал и продемонстрировал девушке свой член. Член был не очень больших размеров, но показался Веронике настолько привлекательным, что она сразу опустилась на колени и взяла его в рот.

Парень застонал.

--Выеби меня по-настоящему,--попросила Вероника, дождавшись пока член парня увеличился в размерах, и повернулась к нему спиной.

Парень, не долго думая, вогнал хуй в ее попу.

--Так сразу и в попу,--подумала было Вероника, но сразу же накотившее наслаждение перевесило другие мысли и она отдалась любви.

После этого парня были другие. Вероника как-то быстро вошла в коллектив. Она пользовалась спросом у парней. А мысли, что когда-нибудь ее пизда будет старой и никому не нужной, отгоняла от девушки ненужные сомнения. Позволяя наслаждаться сексом.

Август 2011

рассказ

Сельские будни

Душевная боль совсем не то что физическая. Выросши без отца, Егор привык получать тумачи от старших товарищей, занимался дома, отжимаясь от пола да потягивая гантели, но никогда он не думал, что душевная боль настолько сильнее физической.

Когда он закончил школу, поступил в институт. Именно тогда он впервые почувствовал, что навсегда отвязался от деревни. И только сейчас, когда его бросила городская невеста, впервые за последние годы почувствовал он одиночество и решил вернуться в деревню.

В деревне его уже ждали. Мать наготовила пироги, дядька забил свинью, подруги-однокурсницы надели застиранные трусики и встречали его на пороге его дома.

--Как фашиста встречают,-- подумал Егор, вспомнив как белорусские крестьяне в начале войны встречали немцев.

--А вот и наш общий муж,--в голос закричала Светка, дочка председателя, которая давно уже, как понял Егор, положила на него глаз.—Но почему общий муж?

Мысль Егора не успела развиваться в конкретное предложение. Встречавшие его девушки затащили его сначала в сени, а после выебали по полной программе. Причем каждая, как понял Егор, реализовывала с ним все свои гнусные фантазии.

Когда он кончил, а случилось это перед Светкой, член Егора поник, сам Егор потянулся было к папиросе, но Светка заставила лизать. Кончив, она поцеловала его в губы и сказала, что теперь он ее муж.

--Я не согласен,--пробовал было возразить Егор, но судя по придвинувшимся к нему девушкам понял, что лучше ебать одну и быть охраняемым ею (женская ревность не имеет границ), нежели чем ебать каждую из девиц в отдельности. Девиц было пять, и Егор, соразмерив свои силы, понял, что ему вполне будет достаточно одной Светки.

Правда, ему еще нравилась Лизавета. Грудь у Лизы была как минимум седьмого несуществующего размера, половые губы (их он помнил еще по школьной юности) напоминали расколотый на две половины арбуз, клитор торчал хуем возбужденного мужика, в общем, Елизавета его вполне манила, хотя и она была не такая симпатичная на личико как Светка.

Светка была стройная, высокая, с пухлыми губами, узкими глазками, доставшимися от матери турчанки, и вообще по всему производила впечатление очень привлекательной девушки, которая к тому же, как помнил Егор, любит исключительно анальный секс.

Да он бы выебал их вместе, может даже и разом, поставив раком и переходя от одной к другой, но... Но Светка была очень ревнивой. И даже разговаривать с кем-то в ее присутствии было невозможно. Не то, что ебать.

Поэтому Егор ебал Светку. Задвинув до упора член между ее ягодиц, и подождав, пока прямая кишка девушки до конца примет его орган любви, Егор только тогда начинал фрикции, приводившие девушку в неопикуемый восторг. Ну или что-то наподобие восторга, сменяемого ужасом, ибо член Егоры был упруг, и растягивал анальное отверстие доверившейся ему девушки до физиологического максимума. Не зная при этом, впрочем, где он, этот максимум. Все-таки Егор был археолог, а не анатом.

В один из дней Егору повстречался отец девушки, Прохор Иванович.

--Ну как, обживаешься,--улыбнувшись в усы, поинтересовался Прохор Иванович.

Егор как-то неуверенно развел руками.

--Ну ладно-ладно, слышан о твоих успехах.

--От дочки,--подумал Егор, и на миг сжался, словно его сейчас начнут бить.

Прохор Иванович больше ничего не сказал, и пошел своей дорогой. Дорогой проселочной, которую еще год назад, став председателем, обещал заасфальтировать, да судя по всему, до сих пор было не до этого.

Придя домой, Егор лег на кровать. Дома никого не было. Мать еще была на работе. Светка где-то шлялась. Егор достал свой член и стал его рассматривать.

--И что его так любят женщины?--не успел он подумать, как в дверь осторожно постучали.

Егор встал с кровати и пошел открывать. На пороге стояла Оксана, подруга Светы.

--А Света дома?—осторожно спросила девушка.

--Проходи,--зачем-то пригласил ее Егор.—Света скоро придет.

Девушка неуверенно прошла в комнату.

--Чем занимаешься?—видимо из вежливости спросила она.

Егору очень хотелось сказать, чем он на самом деле занимается, но он постеснялся.

--Выеби меня пожалуйста,--попросила Оксана.

Егор опешил. В голове у него пронеслось и то, что сейчас придет Светка, и то, что Оксана сама была замужем, и что вообще как-то непонятно все.

Он посмотрел на девушку. На вид Оксане было около тридцати лет. Невысокого роста, кряжистая, черноволосая, с развитой грудью и попой, Оксана вполне заслуживала того, чтобы ее выебали, а может и выебали хорошенько.

Егор задумался. Что-то его все-таки удерживало. Он медленно достал свой член и не успел его еще до конца извлечь, как подскочившая девушка обхватила его губами и принялась сосать.

Сосала она так, что Егор кончил почти сразу.

--Спасибо,--поблагодарила его Оксана.—Я тогда пойду.

--А Свету ждать не будешь?—спросил Егор.

--Нет, я лучше зайду в другой раз,--улыбнулась Оксана, и посмотрела на Егора таким взглядом, от которого у него сразу встал хуй.

--Подожди,-- попросил он. После чего подошел к девушке, одной рукой обнял ее, а другой вытащил свой член, который тут же лег в руку Оксаны, которая принялась тереть его своими пальчиками.

Егор подсадил девушку на стол, слегка развел ей ноги, и, введя хуй в раскрывшуюся и горячую от возбуждения пизду, принялся ебать Оксану. Вскоре Оксана застонала и кончила. Тогда Егор развернул девушку спиной к себе, и ввел член в ее анус. Как показалось Егору, Оксана застонала еще сильнее.

В этот момент вошла Светка. Изумлению девушки не было предела. Ее лучшую подругу ебал ее любимый человек.

Но Света умела сдерживать эмоции. Она подошла к кровати, сняла с себя трусики, легла и раздвинула ноги. Егор вытащил свой хуй из Оксаны и подошел к ней, намереваясь вогнать его в Свету между ее ног.

--Нет, ты не сюда,--распорядилась Света, открыв рот, и рукой махнув Оксане, чтобы она тоже подошла.

Егор вставил свой член в рот Свете, а Оксана, опустившись на колени, принялась вылизывать половую щель подруги.

Кончили они все втроем одновременно.

А потом решили жить все вместе. Тем более что, как оказалось, мужа у Оксаны не было. Егор ошибся, спутав ее с другой односельчанкой, которую, впрочем, тоже слегка поебывал, когда ни Светы, ни Оксаны не было рядом. А что до ревности, так Света к подругам не ревновала. Такой она была человек.

Август 2011

рассказ

Дорога к счастью

--Скажи, Глеб Егорович, а мог бы ты вот так,--худощавый парень показал неопределенный жест руками, посмотрев на товарища, которого он назвал Глеб Егорович.

На самом деле, он его так называл в шутку, потому что настоящее имя товарища было Абрам Исаакович, почти 50 лет от роду, обычного телосложения, чуть лысоватый, в очечках, типичный интеллигент еврейского пошиба, как его называл молодой человек. Молодого человека звали Даниил.

Абрам Исаакович привык к тому, что Даниил все время коверкал его имя, поэтому на подобные инсинуации не обращал внимания, как и на движения, которые тот периодически показывал. Была б его воля, он бы вообще не общался с этим придурком, но подобного сделать он не мог по ряду причин. И природная скромность стояла в ряду этак третьей-четвертой. А лидировало то, что Даниил был как бы удивительным подопытным образцом для его исследований. Этаким чудиком, которого все время хотелось изучать, потому как порой он выкидывал такие коленца, что аж дух захватывало. Сначала от непонимания, потом от смущения, а после и вовсе одно смешивалось с другим, и создавалось впечатление и вовсе чего-то истинно странно-загадочного. И при этом, если просто взять и уйти, как бы не слушав весь бред, который лился из уст молодого человека зачастую в сочетании столько же странными поступками, то означало это, что тайна навсегда останется где-то позади вас. А этого никак не мог допустить Абрам Исаакович, готовый для разгадки этой самой тайны смириться даже с тем, что его называли по имени героя известного кинофильма советского времени.

--Скажи, Глеб Егорович,--не унимался Даниил.—А вот если бы тебе сейчас предложили самую что ни на есть роскошную женщину, которая смотрела бы на тебя томным взглядом нескрываемой страсти, взял бы ты ее и повел бы в свою спальню, или?

Абрам Исаакович нервно сглотнул. Представив свою спальню, он понял, что вести туда роскошную женщину просто нельзя. Потом он вспомнил, что в этой самой спальне ждала его старая жена, которая наверняка уже спит, укрывшись пуховым одеялом. Потом Абрам Исаакович подумал еще о каких-то пустяках, и только после этого ему в голову пришло самое главное: что он будет делать с этой женщиной, если давно уже не мог иметь отношений в том варианте, на который намекал его юный друг.

Абрам Исаакович покраснел. Он был несостоятелен как мужчина. Нет, это его не угнетало, потому что он не думал об этом. Или что справедливее, не угнетало, пока он об этом не думал. Но вот когда волей случая складывались такие обстоятельства, что задумываться приходилось, Абрам...

--Да ладно тебе, Глеб Егорович,--спас его от грустных мыслей Даниила.—Чего ты так напрягся. Я пошутил.

--Странный у вас шутки, молодой человек,--еле слышно произнес Абрам Исаакович, но в душе он был благодарен парню за то, что тот в какой-то мере спас его. Сам инсценировал опасность, и сам же спас,--было следующей мыслью Абрама Исааковича, но продолжение эта мысль не имела, а наоборот, внезапно исчезла, словно и не начиналась.

Поговорив его какое-то время ни о чем, приятели расстались. Данила поспешил по своим каким-то молодым делам, а Абрам Исаакович решил погулять по городу, благо хоть и было поздно, домой идти не хотелось, за долгие годы брака и он и супруга друг другу порядком поднадоели, поэтому пошел он неспешно по какой-то улице, и думал думы разные, плохие да прекрасные, как вдруг страшная догадка настолько поразила его, что он остановился в нерешительности, да чуть не заплакал от отчаяния. Ведь выходило по всему, что если он не может иметь нормальных половых отношений с женщинами, то он и не мужчина уже. Он и раньше не был мачо, но чтобы вот так, совсем, и особенно после того, как только что ему об этом косвенно напомнили (зародившуюся было мысль о том, что никто ни о чем ему не напоминал, Абрам Исаакович отогнал сразу и бесповоротно), в общем почувствовал он необычайную грусть, сменившуюся вскоре и вовсе отчаянием. Но что ему оставалось делать? Делать было нечего.

--Не хотите отдохнуть?—обратилась к нему проходившая мимо и остановившаяся около него молодая девушка.

--Извините?—недоуменно посмотрел на нее Абрам Исаакович.

--Триста рублей час, пятьсот на всю ночь,--улыбнувшись, произнесла девушка.

--Не понимаю,--больше из вежливости чем из действительного непонимания, произнес Абрам Исаакович, словно подспудно беря время на обдумывания предложения девушки.

--Пойдем,--мигом оценив ситуацию, девушка взяла мужчину под локоть и повела через дорогу.—Я живу неподалеку,--пояснила она на удивленный взгляд Абрама Исааковича, глаза которого, казалось, настолько оказались выпучены, что еще немного и выкатятся из орбит да покатаются по дороге к счастью. Только знать бы, где эта дорога,--неволью в голову Абрама Исааковича пришла новая мысль, которая не получила никакого продолжения, ибо как-то быстро зашли они в какой-то подъезд, как-то быстро поднялись на лифте, зашли в какую-то квартиру, и по настоящему очнулся Абрам Исаакович только тогда, когда девушка, жевавшая его опущенный член губами, вопросительно посмотрела на него. Поймав ее взгляд, Абрам Исаакович очнулся.

--Я не могу,--смушенно прошептал он.—Вот деньги,--достав из бумажника тысячу рублей (меньше не оказалось), Абрам Исаакович протянул девушке, после чего попятился к двери, краснея от стыда и с мыслью поскорее убраться восвояси, потом напиться (хоть толком и не пил), и уже еще после начать грустить от произошедшего.

--А вот так?!—одновременно с вопросом девушка легла на пол коридора, задрала юбку, подняла и раздвинула ноги, показав Абраму Исааковичу гладко выбритый лобок с ярко покрашенными половыми губами.

Абрам Исаакович встал как вкопанный, его рука потянулась в карман за платком чтобы протереть выступивший на лбу пот, как вдруг уперлась она в член, который стоял как вкопанный.

Лоб девушки тоже взмок, слипшийся локон черных волос скрыл половину лица, а взгляд ее был настолько просящее-униженный, что Абрам Исаакович и сам не заметил, как вошел в плоть девушки, и стал раздражать ее своим членом напополам. Девушка кричала, стонала, металась, но непонятно откуда появившаяся сила в руках удерживала ее, а член Абрама Исааковича все продолжал врываться в ее вагину, при этом уже непонятно было сколько раз кончила девушка, а он все продолжал и продолжал, нисколько не желая останавливаться. В этот момент он вообще забыл обо всем. Забыл о своих проблемах, забыл о том кто он и как его зовут, забыл вообще обо всем, ибо испытывал он лишь только блаженство, и в этот момент ему совсем ничего было не нужно, кроме того, чтобы это счастье продолжалось вечно. И если бы ему сейчас сказали: умри или остановись, он бы не раздумывая выбрал бы смерть, потому что ему казалось, что ничего подобного он не испытывал никогда, да и могло ли это сравниться хоть с какой-то земной радостью, ибо все было настолько божественно, насколько и невероятно.

Мы тоже не будем мешать Абраму Исааковичу, потому как он действительно очень много натерпелся за свою жизнь, так пусть сейчас, когда дошел он до рая по дороге счастья, там и

останется. Вернее, мы его оставим там. А сами пойдем дальше. Быть может в поисках своей дороги и счастья, и рая, и ожидания обоих.

7 октября 2011.

рассказ

Жизнь в радость

Насколько он, конечно, мог быть уверен в словах. В своих словах. Причем, сказанным только что.

Вроде как конкретный вопрос неожиданно привел Олега Дмитриевича в некоторый тупик. Он вроде как и верил в то, о чем говорил недавно. Да вот теперь – отчего-то стал сомневаться.

--Сомневаться не надо,--доброжелательно произнес доцент Чепурной.—Главное, чтобы вы были уверены в том, что все это действительно так. Согласны?

Олег Дмитриевич замешкался. Он вдруг поймал себя на мысли, что на самом деле не знает, уверен ли он? Вроде как уверен. Но ведь могло выйти, что и не так. И тогда...

.....

Олег Шмелев уже вышел из аудитории (где он только что сдал очередной экзамен, входящий в кандидатский минимум), а вопрос по-прежнему, все тем же пронзившим его невольным сомнением, жег грудь. Хотелось напиться воды. Ледяной.

--Лучше взять минералку,--решил Олег, направляясь в бар, находящийся неподалеку от учебного заведения.

В баре минералки не было. Зато был коньяк и хорошее вино.

Олег взял кофе с коньяком, и уютно усевшись за столиком, задумался.

По всему выходило, что те сомнения, от которых он уже думал что избавился – вновь захватывали его. И пока вроде как не было от них беды (а вред на начальном этапе еще был незаметен), но Олег отдавал себе отчет, что это был только начальный этап. А значит то, что могло случиться с ним позже, может привести к не очень желательным последствиям.

От последних последствий, помнится, Олег избавлялся год. И то, в итоге ему пришлось сменить место работы (раньше Олег работал преподавателем географии в школе – теперь поступил в аспирантуру и стал подрабатывать ночным сторожем), потерять семью (жена ушла, гордо хлопнув дверью, и обозвав его неудачником), отношения некоторых знакомых (ряд бывших знакомых стал вдруг от него прятаться), да и вообще наверное – многое поменять в жизни. Если не все.

С тех пор прошел год. Олег за этот год пересмотрел жизненные ценности, и был уверен, что ничего подобного произошедшему, когда он неделю стоял перед воротами школы прося

милостыню, не случится. Еще хорошо, что школу он тогда выбрал соседнюю. Где его никто не знал. И лишь только случайно проходивший мимо директор уже его школы, обратил внимание на удивительную схожесть нищего со своим худосочным и угловатым подчиненным.

--Это Вы?—удивленно спросил директор, внезапно растерявшись, и не зная как реагировать.

--Я...--обескуражено произнес Олег Дмитриевич.

Потом последовал серьезный разговор в кабинете директора. И увольнение. За действия, порочащее имя учителя.

Правда, в трудовую директор ничего не написал. Пожалел.

--Действительно неудачник,--вспомнил Шмелев слова жены, которые сейчас оказались невероятно схожими как со словами директора, так и с собственными мыслями Олега. Он ведь и на самом деле был неудачник.

.....

--Это смотря с какой стороны повернуть,--задумчиво сказал доцент Чепурной (из памяти Олега все не выходил разговор с ним в аудитории, когда, быстро приняв ответ Олега, Чепурной неожиданно разговорился с ним о жизни).—Ведь так может случиться, что судьба наоборот – благосклонна к Вам.

--Благосклонна?..—не понимаяще повторил Олег.

--Вот-вот,--для надежности еще и кивнул доцент Чепурной.—Жена ушла – так значит она своим уходом решила сподвигнуть вас на какие-то жизненные свершения. С работы уволили – так значит судьба решила, чтобы Вы повысили квалификацию. Защитили кандидатскую. Что еще у Вас произошло?—Чепурной с любопытством уставился на аспиранта, будучи готовым тут же на месте разрешить любую его трудность.

И Олег понял это. И действительно почувствовал силу, мощь, и трезвость мысли доцента. Почему же он тогда не ответил Чепурнову, на вопрос, что он об этом думает? Ведь он действительно прав,--понял сейчас Олег.

По сути, все в его жизни было так. Сумбурно и неправильно. А иной раз – и до смешного нелепо. Он стремился к каким-то целям. Даже, иной раз, достигал те.

А потом все в одночасье рушилось. И приходилось начинать или сначала, или заходить с другого края.

Ну а фактически -- стоять на месте. Потому как периодически Олег ведь возвращался к некогда уже завоеванным позициям.

Олег вспомнил слова Чепурнова. Выходило, все же прав был доцент. Ошибался Олежек Дмитриевич (как ласково называл его уже немолодой доцент Чепурнов, Станислав Аркадиевич). Не с той плоскости смотрел он на поступки и ситуации в своей жизни. Не так. Все на самом деле было хорошо, правильно, и закономерно. А он же видел только негатив. Тогда как через отрицание ведь совсем не всегда можно придти к истине,--вспомнил Олег слова Чепурнова на одной из лекций. И в разговоре с ним Станислав Аркадиевич тоже высказал схожие соображения. Причем выходило так, что Олег Шмелев просто проводил неправильное тестирование реальности. И в итоге выходил у него неверный отчет. Ошибочный. Необходимо было пересматривать всю методологию исследования,--сказал тогда Чепурной.—Иначе вы молодой человек (Олегу было двадцать семь) наворотите бед. Сломаете жизнь себе, и здорово испортите ее остальным. Окружающим,--уточнил Чепурной, видя несколько озадаченное лицо Олега.

А Олег тогда и действительно растерялся. Он уже начал все понимать. Понимать всю ошибочность собственных размышлений.

А сейчас, сидя в баре и уже допив кофе и коньяк (и докуривая сигарету, собираясь после уходить) понял, что ему необходимо делать. Причем уже практически не надо было что-то пересматривать. Все было хорошо и правильно. Имена такая должна теперь быть у него установка. И тогда жизнь станет в радость.

С этими словами Олег Дмитриевич Шмелев и вышел из темного мрака полуподвального помещения, где располагалось кафе, на свежий апрельский воздух. Термометр показывал восемнадцать градусов тепла. Светило солнце. Вокруг стайкой прошли стройные и улыбающиеся девушки-студентки с укорачивающимися к лету юбками. Олег тоже улыбнулся.

--Жизнь в радость?—на всякий случай переспросил он себя.

--В радость,--ответил, и улыбнулся.

Жизнь была действительно в радость. И незачем было это скрывать,--подумал Олег, и пошел, улыбаясь прохожим и окружающему миру.

23 июль 2007 год.

рассказ

Тихие радости

Ситуация, складывающаяся в восприятии нынешней действительности Иосифом Никитиным, самого Иосифа весьма удручала. Можно даже сказать, он не видел выхода из подобной ситуации.

Нет, какой-то выход он конечно видел. Но вот было ли это на самом деле выходом,-- Иосиф серьезно сомневался. Скорее всего, считал он, путного из этого получиться не могло.

И тогда может и вообще, самым разумным было элементарно смириться со всем, что он видел. И даже послать все откровенно к черту. Да и уйти куда-нибудь вдаль. В надежде, что там встретится ему что-то по настоящему прекрасное.

Ну а может и не встретится. Но на душе все равно посветлеет.

.....

Иосифу Никитину было двадцать семь лет. Выглядел он как минимум на тридцать с гаком. Жизнь в первое начало двадцатисемилетия вел беспутную. С водкой, музыкой, и девочками.

Девочки Никитина любили. Хотя, что они любили в нем больше,-- говорить было неудобно. Ну, разве что все-таки деньги, а не то, что мы уж было подумали.

Впрочем, Иосиф сам всегда хвалился своим детородным органом. Который был у него и на самом деле очень большой.

А еще Иосиф Никитин не сомневался, что теперь в его жизни все будет иначе. Это раньше он вел беспутную жизнь. Теперь же Иосиф стал главным менеджером промышленной компании. И хоть в специфике самой промышленности он ничего не понимал, Иосиф вполне сносно справлялся со своими обязанностями. И даже получал по итогам полугодия премии. Которые откладывал.

.....

За три года Иосиф скопил на небольшой автомобиль итальянских производителей марки «Фиат», но саму покупку пока оттягивал. Почему? У Иосифа не было прав. И он панически боялся водить машину.

А по большому счету, Иосиф всегда казался сумасшедшим. Ну, в смысле, немного странным. Ни внешность, ни поведение его не вписывались в стереотипы современного жителя страны. Притом что сам себя Иосиф Никитин странным не находил. Вот, правда, тяготел он все больше к жизни затворнической. По всей видимости, таким образом он стремился избежать чувства вины, которое нет-нет да и захватывало его, подчиняя своей власти.

Грустно тогда становилось Иосифу. Чувствовал он себя -- когда это случалось -- откровенным мерзавцем. Вроде как и пытался оправдываться перед собой, да выходило все скованно и нелепо. И уже от самого факта какого-то оправдания Иосифу становилось нехорошо.

И он долго после этого болел. А в душе его скребли кошки своими когтистыми лапами. И нервы растягивали черти. И играли на них то ли в гусли, то ли на гитаре.

Конечно, после каждого раза освобождения от подобного Иосиф стремился это самое подобное не допускать. Но стремиться-то он стремился, да вот на деле ничего у него не выходило. А значит, мучился он от чувства вины иной раз самым ужасным образом. И случалось, даже плакал. От безысходности.

А потом все проходило само собой. И Иосиф даже недоумевал, как могло выйти с ним что-то нехорошее. И старался при этом заглянуть в суть проблемы. Так сказать понять, почему же оно случалось. Почему? Почему стало возможным подобное...

Подобные вопросы Иосиф мог задавать себе десятками. Все равно ответа на них не было. Да, пожалуй, и не могло быть.

А все потому, что он неправильно ставил вопрос. Об этом ему сказал Юлий Мамаев.

--Как так?—удивился Иосиф словам друга.—Почему не правильно?

--Да потому, что в твоём вопросе скрывается и ответ,--улыбнулся Юлий. Юлию было тридцать с небольшим, он носил черные пышные усы, имел эллипсоидную форму черепа, и работал чертежником в конструкторском бюро.

--Ну уж, ответ?—не поверил Никитин, но все же призадумался. «Чем черт не шутит?—подумал он.—Может и правда».

--Ответ, ответ,--закивал головой Мамаев.—Заранее даешь ответ. И можешь даже не сомневаться.

Юлий хотел было добавить: «Не сомневайся, если я говорю»,-- да постеснялся. От природы он был скромным человеком, и говорить о собственных достоинствах для него было стеснительно.

--А скажите-ка мне, Мамаев,--внимательно посмотрел на друга Иосиф.

Мамаев посмотрел на Иосифа.

--Нет, не смотри,-- махнул рукой Иосиф.—Все равно какую-то истину мы сейчас не найдем. Пустое...

Мамаев продолжал смотреть на Иосифа. Уже даже не просто смотреть, а разглядывать его. И пока он таким образом наблюдал за другом, в его голову приходили различные, и даже не очень хорошие, мысли.

А то и вовсе он мог признаться, что мысли скверные. И что уж точно, если дальше он будет так продолжать думать, то ни до чего не додумается. «А значит,--решил Мамаев,-- надо было поскорее избавиться от Иосифа, придумав необходимость срочно отлучиться».

.....

Оставшись один, Иосиф задумался о жизни. Не сказать, чтобы жизнь так-то уж была его по голове. Иногда ведь и приносила она ему совсем неожиданные сюрпризы. Иосиф называл это «тихие радости». И даже если закрыть глаза на что-то неразрешимо-неразгаданное, и потому не совсем хорошее, жизнь Иосифа и вовсе можно было признать прекрасной. Он был молод. В меру обаятелен. Практически здоров. Имел работу. Мог позволить себе периодически вызывать проституток. В какой-то мере даже любил этих проституток. В каком-то ближайшем будущем собирался приобрести собственный автомобиль. В последнее время ездил почти исключительно на такси. Ну, в общем, мог признаться, что если и жизнь не удалась еще до конца, то все как бы к этому идет. А значит,-- и печалям места как будто бы не было.

Вот разве что чувство вины, случалось, погружало его в себя. Так и с этим, понимал Иосиф, можно было смириться. И что уж точно – не переживать так, как переживал до этого.

Ну а самое главное заключалось в том, что, имея то, что имел Иосиф, – можно было жить.

И может, это пока и действительно было самое главное.

А будущее покажет.

06. 12. 2006 г.

рассказ

Всемирная паутина

1

Гриша Рогов открыл для себя интернет.

Поначалу его немного смущало словосочетание «всемирная паутина». Но со временем он справился с первоначальным волнением. И даже нет-нет, в каком разговоре с тем или иным знакомым, уже с видом знатока делился мыслями-впечатлениями (почерпнутыми из полухакерских интернет-журналов) о том, что представляет из себя система интернет.

Гриша был уверен, что это была система.

На бессистемность ссылаясь, иной раз, его закадычный друг Ваня Пригов, но Гриша оставался непреклонен. Он вообще был упертый по жизни. Если начинал какое-то дело – шел до конца. Если чувствовал неладное – так прямо и говорил об этом. Ну и вообще, был честным

человеком, 23 лет отроду, заканчивал Академию связи, хотя до самой связи был, в общем-то, безразличен.

Можно сказать, что и в сам интернет первый раз он залез постольку-поскольку. А потом как-то и сам не заметил, как ему понравилось. И можно сказать, прошло еще какое-то время (весьма незначительное) и Гриша Рогов уже не мыслил себя без многочасового сидения в сети интернет. То, что это была сеть – он понял не сразу. Гриша часто встречал подобные упоминания, но не обращал на них серьезного внимания. Допуская, что в жизни может встречаться всякое. И если пропускать это все через себя – можно сойти с ума, или хотя бы немного – но все равно помешаться. А Рогов этого не хотел. У него была сумасшедшая прабабка, и он опасался, что как бы гены не сыграли с ним подобную шутку, и с ума не сошел уже он.

Пока вроде как проносило. Более того. Гриша Рогов даже решил последовать примеру Вани Пригова, и поступить учиться на психолога.

Не поступил. Закончив Академию связи, Гриша как-то быстро получил предложение о работе. Стал работать. Но и работав, все свободное время проводил в сети.

В сети Грише было интересно. И пусть он пока не дошел до возможности (прежде всего необходимости) прочитывать томами различные библиотеки (одна из функций интернета, прежде всего, информационная), но он знал, что это тоже со временем придет. А пока... Пока Гриша Рогов посещал только развлекательные порталы. И можно сказать, он получал информацию, конечно, но вот информацию совсем иного рода, чем, быть может, ему даже хотелось.

2

Так вышло, что Рогов вдруг отчего-то задумался о характере своих действий. Более того. Ему показалось, что он делает что-то не правильно. И это еще легко было сказано «что-то». На самом деле ему не нравилось, как он делает все. Можно даже сказать, в его жизни подступало какое-то раннее переосмысление происходящего с ним. И он склонен был во всем винить всемирную паутину. Хотя ее вины-то как раз не было, или почти не было.

--Впрочем,--рассудил добрый друг Ваня Пригов, вина могла все же быть. Если учитывать, что именно паутина подтолкнула Рогова к подобного рода переоценке. И не было бы ее...

Рогов с предположением друга не согласился. Поверить-то поверил, рассудив, что возможно все. Но вот что-то удерживало Гришу Рогова от того, чтобы признать, что все это именно так. И что совсем невозможны какие-либо изменения...

--А я разве говорил, что невозможны изменения?—перебил ход мыслей, угадав те, Пригов.

--Не говорил,--вспомнил Рогов.

--А я разве предполагал, что уже вообще все?—не мог успокоиться Ваня Пригов.

--Не предполагал,--улыбнулся Гриша Рогов.

И задав друг другу еще серию наводящих вопросов-размышлений, друзья забыли о причине спора, как забыли они и о самом споре. Но когда Пригов ушел, Рогов понял, что друг был прав. И что всему виной сам Рогов. И может даже самое лучшее что могло быть – срочные изменения. Изменения уже любого порядка. Важен был сам факт изменений. Да еще и таких изменений, чтобы, при случае, нельзя было повернуть назад, на попятную. А значит, следовало признать все и вся.

--Вот еще что,--вернулся Пригов («недалеко ушел»,--подумал Рогов).—Давай-ка все-таки вместе подумаем над тем, смогу ли я тебе чем-то помочь?

--Не сможешь,--быстро ответил Рогов, но тут же чуть не пожалел о столь скором ответе, потому как Пригов посмотрел на него более заинтересовано, чем смотрел доселе, а какого-то внимания к себе Рогову привлекать не хотелось. Он иногда любил побыть один. Сейчас было как раз такое состояние.

--Не, я серьезно,--ответил Пригов.—Если моя помощь необходима, я могу ее оказать. Если...

--Спасибо, друг,--перебил его Рогов как можно спокойнее.—Пока ничего не требуется.

--Ну да ладно,-- улыбнулся Пригов.—Это я так спросил.

На самом деле и Гриша Рогов и Ваня Пригов понимали, что все далеко не просто так. И если Ваня Пригов, по существу, уставал в институте, с трудов успевая разделяться с многочисленными контрольными да экзаменами, но Гриша Рогов все больше задумывался о жизни. И задумываясь, находил, что представляет эта самая жизнь иной раз удивительную цепь закономерностей, осознав которые, надеялся он, можно будет достигнуть многого.

--Ты многого хочешь,--улыбнулся Порфирий Геннадиевич, бывший школьный учитель, а ныне сосед-пенсионер, с которым Гриша Рогов поделился своими соображениями.

--Вы находите?—удивился Гриша, несколько скептически оглядывая неказистую фигуру Порфирия Геннадиевича.

--Более того, я даже могу тебе доказать,--как ни в чем ни бывало, не обращая на сомнения молодого человека, сказал Порфирий Геннадиевич.—Хочешь?

--Ну, я, пожалуй, еще не совсем уверен...--замялся Гриша.—Мне еще необходимо какое-то время, чтобы все окончательно проверить.

--Да что тут проверять?—удивился Порфирий Геннадиевич Коробков, который – Гриша только сейчас это заметил – был навеселе.—Что тут проверять!—убежденно произнес Коробков.— Я могу в три счета доказать ошибочность всей твоей теоретической базы.

--Ну... может быть...--раздумчиво ответил Гриша, и наскоро придумав какое-то дело, поспешил распрощаться с Коробковым.

--Как знаешь,--услышал Гриша Рогов смех подвыпившегося соседа, но он сейчас уже решил побыстрее войти в сеть, рассчитывая именно там найти все необходимые разгадки.

Однако стоило ему войти в сеть, как Гриша почувствовал, что словно бы появилось в его душе нечто, что требовало непремейшей разгадки. И если он не сделает этого...

--Ничего не случится,--перебила одну его мысль другая.

--Не случится,--бессознательно повторил Рогов, и подумал, что вероятней всего -- все именно так. А он, получается, попросту излишне драматизирует ситуацию, как ему уже не раз говорили близкие, потому как судьба Гриши заботила их как минимум на порядок больше, чем кого бы то ни было. И поняв уже это, Гриша внезапно почувствовал такой прилив сил и уверенности в себе, что ему, собственно, стало вдруг безразлично многое, если не все. А потом прошло еще какое-то время, и Гриша уже не заметил, как лазил по сети интернет, жадно поглощая все новую и новую информацию, и ненасытно разыскивал сайты в поисках знаний. И можно было сказать, что с тех пор он уже не испытывал никаких сомнений в том, что делает что-то правильное и важное. Хотя и чтобы уж совсем говорить так, видимо, было пока преждевременно. Потому как какое-то время Рогов еще словно бы ждал какой-то ошибки. Ну, или просто считал, что должно было пройти определенное время, за которое все в его жизни придет в необходимую норму.

И по всей видимости, это все было уже точно так. По крайней мере, уверенный пользователь компьютера и любитель интернета Ваня Пригов, и Порфирий Геннадиевич, только недавно освоивший интернет, находили следы пребывания Гриши Рогова в сети. Ну а почему нет. Ведь интернет это для всех,--считал Гриша Рогов, и был, в общем-то, прав.

14.02.2008 год.

2009-2011 гг.

Сергей Зелинский

© С.А.Зелинский. Дорога к счастью. Сборник рассказов.

